

Искорка

Г. ГОПЕ

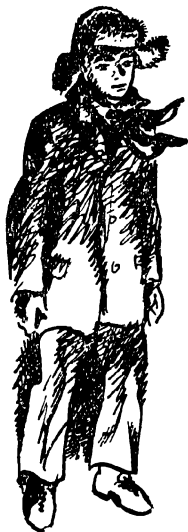

МАЙ ● 1969

год издания XIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Бюрокома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ДОБРЫЙ ОГОНЬ

У беспечных снежинок
ещё на уме хороводы.
А земля проступает.
И дышит.

И пар от неё.

Торопя навигацию,
в лужах плывут пароходы.
А кому-то не лужи —
моря.

Каждый видит своё.

Корабелы довольны.
В груди их рождаются марши.
Если в мель не врзается
гордого лайнера киль.
Корабелы серьёзны.
А те, кто немного постарше,
несерьёзны совсем,
потому что играют в снежки.

Словно варежки, красны
ручонки от мокрого снега.
Невский ветер носы
распечатал
ребятам не раз.
У гранита малыш,
запыхавшись от быстрого бега,
Встал над Вечным огнём,
согревает ладошки сейчас.
Ну и пусть согревает.
Кощунство какое же в этом?!
Самый добрый огонь,
он имеет к ребятам подход.
Он и сердца коснётся,
когда мальчуган за ответом
Через год, через два
очень тихо к нему подойдёт.
...Где война в сорок первом
почти не ушла от границы,
Где наш северный фланг
в берега каменистые врос,
Водопадами скачет к морям
быстроногая Лица,
А над речкой могила.
И в ней неизвестный матрос.
Почему неизвестный?
Понять невозможно такое,
Если он, погибая,
врага останавливал здесь.
Как позволить забвенью
назвать неизвестным героя?!
...И за тысячи вёрст
полетела тревожная весть.
И от сердца до сердца
носили её следопыты.
И пришло в Заполярье
из тёплой Одессы письмо.
Встало гордое имя
над светлым, как небо,
гранитом.
Так на милость ребятам
сдавалось забвенье само.

И цветы черноморья,
когда отлетели метели
И очнулась земля,
у подножья могилы взошли.
Подобрили ветра,
облака ледяные теплели,
Даже робкое солнце
согреться смогло от земли.
Это дивное диво
сначала вершили не руки,
Создавали сердца,
приказав Заполярье —
не тронь!
Возвратились цветы,
как друзья после долгой
разлуки.
Полыхали цветы над могилою
Вечным огнём.
Вот и ветер с Невы
к тополям приласкался
и замер.
Значит, где-то весна
получила на чудо права.
И колдует в пути
над горами, полями, лесами.
И опять не без чуда
колдует над сердцем сперва.
От весны до весны
и от века до нового века
Раскрутилась планета
и будет крутить без конца.
Вечен добрый огонь.
И бессмертны пути человека,
Не простого какого-то,
нет —
человека-творца.
Рассветает, пора...
Ведь мечта не живет
по соседству.
Только в ранних дорогах
талант окрыляется твой.
Все творцы обязательно путь
начинали из детства.
И за это его
называют счастливой страной.

ЧУДЕСНЫЙ ГОСТЬ

КИНОПОВЕСТЬ

...ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД. Вооружённые силы четырнадцати стран Европы, Америки и Азии ведут войну с молодой Советской республикой. Хлебные, угольные, нефтяные районы захвачены интервентами и белогвардейцами. Разруха, голод. Особенно тяжело приходится детям. Но Советская страна непрестанно думает, заботится о них.

— Мы, взрослые, поголодаем, но последнюю щепотку муки, последний кусочек сахара, масла отдадим детям. Пусть лучше эти тяжёлые события лягут на плечи взрослых, но всячески поощрим детское население!

Эти слова произнёс Владимир Ильич Ленин.

БОЛЬШОЙ, многооконный особняк с высоким крыльцом. Вокруг — заснеженные деревья парка.

Бородатый Пётр Егорыч расчищает лопатой дорожки. Тётя Паша выколачивает ковёр, разложенный на снегу. Фокстерьер Бобка вертится у неё под ногами, тявкает.

— А ну тебя! — отмахивается тётя Паша. — Не до тебя тут!

С озабоченным лицом идёт Пал Саныч — заведующий школой — в полушубке, шапке-ушанке, валенках. Задумчиво теребит на ходу бородку.

— Пал Саныч, — останавливает его тётя Паша, — послушайте, что я вам скажу!

Пал Саныч останавливается.

— Неладно выходит у нас, Пал Саныч, ей-богу. Будто бы самый обыкновенный человек приезжает. Никакой торжественности. Ленин-то у нас кто? Разве такого человека так встречают?

— А как по-вашему?

— Вы, конечно, человек образованный, — наставительно говорит тётя Паша, — да ведь молоды ещё! Не грех вам послушать которые постарше. Вот мы тут с Петром Егорычем имели совещание. Пётр Егорыч служил в швейцарах, понимает обращение. И ливрея у него цела с золотыми пуговицами.

— Ну и что?

— Поставить его в полном виде в передней. Как войдут — он им навстречу. Польша съедет. Окажет приём, как положено.. Послушайте бывалых

людей, потом сами будете благодарить!

Пал Саныч машет рукой:

— Бросьте, тётя Паша, не выдумывайте. Ленин выше всех царей, но он **товарищ**, понимаете? И мне, и вам, и Петру Егорычу! Вы хотя и сняли с себя кресты, а ещё не изжили некоторых предрассудков.

— Предрассудки мои изжитые! — обидчиво говорит тётя Паша. — Не к тому речь!

Пал Саныч подымается по ступенькам крыльца.

— Давайте хотя бы ковёр положим в переднюю, — говорит ему вслед тётя Паша.

— А это зачем?

— Как войдут, так и ступят на ковёр. Всё же оно поторжественнее!

Пал Саныч задумался на секунду:

— Ладно, кладите!

— И Бобку запру в чулан. Собаке-то незачем присутствовать.

— Ладно, запирайте!

КЛАСС. Парты сдвинуты. За пианино сидит Ксения Петровна. Полукругом выстроились ребята. Тут есть и маленькие — лет пяти-шести, есть и постарше. Мальчики и девочки. Одеты кто в чём. У многих на ногах верёвочные туфли — распространённая обувь тех лет.

Разучивается песня, которую хор исполняет уже довольно стройно.

Худенький вихрастый мальчик за спиной Ксении Петровны дирижирует, корча уморительные гримасы.

Учительница вдруг оборачивается:

— Котиков Федя! Учти, что мне очень хорошо видно твоё отражение на крышке рояля. Прямо как в зеркале.

Котиков Федя приседает от неожиданности.

В класс входит Пал Саныч, делает знак, чтобы продолжали. Внимательно слушает.

— Что ж, недурно выходит!
Дети окружают Пал Саныча, градом сыплются вопросы,

— Пал Саныч, а мы Ленина увидим?

— А наши игрушки все развесили?

— Пал Саныч, а когда начнётся ёлка?

— Скоро всё узнаете, — говорит Пал Саныч и отводит в сторону Ксению Петровну.

— Я думаю, что репетировать больше не нужно, Ксения Петровна, а то вы их совсем замучите. Распорядок дня остаётся тот же. Обед, отдых. Из Кремля нам сообщили, что Владимир Ильич будет у нас приблизительно в начале шестого.

Ксения Петровна прикладывает ладони к щекам:

— Я так волнуюсь! Чувствую, что у меня пятна выступили на лице!

— А вы думаете, я не волнуюсь! Мне всё кажется, что я чего-то не сделал, что-то упустил...

ШКОЛЬНАЯ КУХНЯ. Повариха выжимает из бумажной трубочки какую-то темную массу и ловко выводит замысловатые узоры на пироге. Пал Саныч с интересом наблюдает.

— Здорово получается. Как настоящий. И не подумаешь, что обыкновенная картоха с клюквенными разводами.

— Эх! Настоящий бы выпечь! — сокрушается повариха.

Входят дежурные по столовой — мальчик и девочка. Девочка берёт черпаки и поднос

с тонко нарезанными порциями хлеба, повариха и мальчик несут бачок.

Столовая. Стоят ребята с ложками наготове: дежурная раздаёт хлеб, повариха разливает суп.

Разговоры смолкают. Слышно только постукивание ложек о миски. Хлеб никто не трогает.

На второе — жидкая каша, которая уничтожается с такой же быстротой. Обед кончен, но не совсем. Ребята медленно, смакуя, едят хлеб, откусывая по маленькому кусочку.

Входит Ксения Петровна:

— Опять вы, ребята, едите хлеб после обеда! Сколько раз вам говорили, что обедать надо с хлебом.

— Хлеб-то у них вместо пирожного, — тихонько говорит повариха.

СПАЛЬНЯ. Мёртвый час. Ребята в постелях.

Уже знакомый нам Федя Котиков осторожно вылезает из-под одеяла, начинает одеваться. Из коридора доносятся чьи-то шаги. Он ныряет обратно в постель. Шаги затихают. Федя снова встаёт и одевается.

Сосед по койке проснулся:

— Ты куда, Котик?

— Помалкивай в тряпочку, понял? Не пикни. А то, знаешь...

ГОСТИНАЯ В ШКОЛЕ.

Стулья и кресла расставлены рядами, как в зрительном зале. В углу стоит высокая ёлка: на ней самодельные игрушки, флажки из лоскутков,

бумажные фонарики, хлопушки, бонбоньерки и многое другое.

Лёжа на полу с острогубцами, что-то мастерит Серёжа-механик.

Стук в дверь.

— Серёжа, открой, это я!

Серёжа-механик поворачивает ключ, впускает Пал Саныча.

Подходят к елке.

— Ну, как у тебя, Серёжа?

— А вот попробуйте найдите!

Пал Саныч оглядывает ёлку, нагибается.

— Да, толково! Обнаружить трудно. Пожалуй, даже невозможно. Только бы никто не пронюхал, а то пропадёт весь сюрприз. И момент бы не прозевать. Как только подойдут к елке — сразу включай!

— Не прозеваю. Я в соседней комнате буду находиться. Соединю концы — и готово!

Пал Саныч потирает руки:

— Красиво получится!

— Пал Саныч, — говорит Серёжа-механик, — неужели действительно Ленин приедет? Просто как-то не верится.

— Приедет. Непременно приедет, — улыбается Пал Саныч.

Серёжа-механик что-то обдумывает:

— Пал Саныч! А надо бы нам побриться. Я бы на вашем месте бороду сбрил. Она у вас какая-то странная.

Пал Саныч проводит рукой по щекам и подбородку:

— Да, никак не отрастает по-настоящему. Собственно, с

бородой удобнее и теплее и меньше времени уходит на собственную физиономию, но наружный вид, конечно, плоховат. Ты прав, надо привести себя в порядок... Да и тебе тоже (смотрит на часы). Примерно через час Владимир Ильич сядет в машину и выедет из Кремля...

КАБИНЕТ ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ. Владимир Ильич разговаривает по телефону:

— Нет, сегодня, к сожалению, не могу... Да, чрезвычайно важное. Чрезвычайно!

Секретарша вносит пакет и передаёт его Ленину.

— Благодарю! А не развалится по дороге?

Завязывает покрепче верёвочки на пакете, выходит из кабинета, быстро идёт по совнаркомовскому коридору, открывает дверь своей квартиры:

— Маняша! Я готов!

Из ворот Кремля выезжает машина, пересекает Красную площадь. В машине — Ленин, Мария Ильинична.

Чувствуется, что шофёр немного нервничает, всё время дает гудки.

Ленин нагибается к нему:

— Не волнуйтесь, товарищ Гиль. Поезжайте спокойно.

ПЕРЕДНЯЯ В ШКОЛЕ. Пётр Егорыч, в русской рубашке с пояском, в начищенных сапогах, яростно шурует кочергой в печке.

Тётя Паша в новой кофте, в платочке, но в руках у неё тряпка. Она то стирает несуществующую пыль на зеркале,

то прибавляет огня в керосиновых лампах.

В гостиной начинают собираться приглашённые. Это родители некоторых ребят, кое-кто из работников соседнего совхоза.

В углу, накрытая листами бумаги, стоит ёлка.

Часть гостиной отгорожена занавесом из одеял. Занавес колеблется, оттуда доносятся возбуждённые голоса, брэнчание балалаечных струн, топоток.

То тут, то там мелькает взволнованная Ксения Петровна. Она рассаживает ребят и гостей. Через гостиную быстро проходит Пал Саныч. Он начисто выбрит — ни усов, ни бородки — и теперь стало ясно, что он совсем ещё молодой человек. На нём пиджак, белая рубашка с оттопыривающейся крахмальной грудью и очень высоким воротником.

Девочка с бантом в косичке восхищённо говорит:

— Сегодня Пал Саныч новый!

В передней тётя Паша всплескивает руками:

— Господи, Пал Саныч! Не узнала вас!

Пал Саныч сверяет свои часы со стенными.

— Сейчас, в эти минуты, машина уже в дороге.

Тётя Паша делает знак Петру Егорычу. Они выносят из под лестницы большой ковер, расстилают его на полу, тщательно расправляя малейшие складки.

ЧАСЫ показывают шесть, четверть седьмого, половину седьмого. Вот уже стрелка перескочила семь.

В гостиной все притихли, разговаривают вполголоса. И «артисты» притихли в комнате за сценой. Девочка, одетая в костюм зайца, начинает всхлипывать.

Один из гостей говорит Пал Санычу:

— Наверно, не приедет товарищ Ленин!

— Этого не может быть, — почти с отчаянием отвечает Пал Саныч. — Если бы товарищ Ленин не мог приехать, он дал бы нам знать обязательно! Значит, что-то непредвиденное его задержало...

Кто-то советует:

— А вы возьмите и позвоните в Кремль! Уж там-то знают!

Пал Саныч спохватывается:

— В самом деле! Как это мне в голову не пришло?

Идут к телефону, Пал Саныч вертит ручку, вызывает Кремль.

— Это из лесной школы говорят. Сюда обещал приехать в начале шестого товарищ Ленин, но его до сих пор нет.

Ждёт, прижав трубку.

— Ну, что? — спрашивают окружающие.

— Пошли узнавать на квартиру...

Слушает, опускает трубку.

— Говорят, что выехал вовремя, Давно должен быть здесь!

МАШИНА выехала за черту столицы. Пустыри. Приходится объезжать снежные завалы. В одном месте машина зарылась в снег. Очевидно, такие случаи предусмотрены шофёром. Он выходит с лопатой, начинает откидывать снег. Выходит и Ленин:

— Дайте и я покидаю!

Работает лопатой. Шофёр возится с мотором. Едут дальше по неровной, снежной дороге.

Шофёр напряжённо всматривается сквозь стёкла:

— Какие-то люди стоят на дороге! Проезжать?

— Это, наверно, контрольный пост местного Совета! — говорит Ленин. — Остановитесь!

Люди — их пятеро — загораживают дорогу. Шофёр тормозит. Ленин открывает дверцу:

— Вы откуда, товарищи?

На него в упор наставляют револьвер. Шофёр хватается за задний карман, но и на него смотрит дуло револьвера.

— Выходите! Живей!

Пассажиры и шофёр выходят из машины. Всё происходит с молниеносной быстротой.

Грабители влезают в машину, один садится за руль — и машина, рванувшись, исчезает за железнодорожным мостом.

Некоторое время все молча смотрят ей вслед.

— Ловко, ловко! — говорит Владимир Ильич. Обращается к Марии Ильиничне:

— Испугалась?

— Не успела.

— Надо было махнуть мимо на полном ходу, — мрачно говорит шофёр, — они и моргнуть не успели бы!

— Некругло получается, — отвечает Ленин, — я подписывал распоряжение о проверке машин и я же буду махать мимо? Нет, так нельзя!

— Боялся стрелять! — ещё мрачнее говорит шофёр. — Ну, убрал бы одного, двоих, а потом...

Ленин пристально смотрит на него:

— Не считайте себя виновником этого происшествия и не терзайтесь по этому поводу. Вы поступили разумно. В нашем положении просто глупо было сопротивляться. Они бы нас всех перестреляли... Надо считать, что всё закончилось очень удачно.

— Всё равно далеко не уедут. Машина грузная, снега глубокие. Завязнут.

— Вы думаете, возможно? Но нам сейчас от этого не легче. Самое обидное, что мы опаздываем в школу. Ведь нас ждут!

— Хоть подарки уцелели, — говорит Мария Ильинична.

— Да, я уж пакет из рук не выпускал, — усмехается Владимир Ильич. — Но что же всё-таки предпринять, товарищи? Как вы полагаете?

— Я полагаю, надо немного обождать, — соображает вслух шофёр. — Здесь проходит дорога. Возможно, какая-нибудь машина подойдёт. Тут, наверно, недалеко до местного Совета. Позвоним в Кремль, вызовем другую машину.

— Ну что ж, давайте обождём немного!

Стоят, похаживают.

— Однако, прохладно, — говорит Владимир Ильич. — Маняша, подними воротник, закутайся как следует...

— Мне не холодно, только лицо мёрзнет!

— Кажется, кто-то идёт, — восклицает шофёр. — Видите пятнышко?

Пятнышко на дороге приближается, увеличивается.

Шофёр перекладывает пистолет в карман своей куртки.

Уже хорошо виден человек, идущий по дорсге. Он шагает, точно марширует, всё время поправляя суконовый будёновский шлем, который лезет ему на глаза. Ватник и солдатские обмотки явно велики ему. Издали трудно понять кто это — взрослый человек очень маленького роста или же мальчик. Когда он подходит, всё становится ясно.

— Слушай, паренёк, ты, наверно, местный — обращается к нему шофёр. — Тут далеко до Совета?

Федя Котиков — это он — пытливо рассматривает людей, стоящих на дороге и вдруг неожиданно спрашивает:

— А Ленин... тут?

Все переглядываются. Мария Ильинична наклоняется к Феде:

— А ты, дружок, сам-то откуда?

Федя медлит с ответом. Видя улыбающиеся лица, говорит не очень уверенно:

— Я-то?.. А вы Пал Санычу не скажете?

— Постараемся!

Федя всё еще колеблется:

— Ладно, скажу. Я Ленина встречаю. Он в школу к нам должен приехать.

Ленин:

— Так ты из лесной школы? Тебя что, послали?

Федя молча сопит.

— Значит, сам ушёл. Ай-ай! А если тебя хватятся? Сколько будет беспокойства...

Федя отвечает уверенно:

— Не хва-а-тятся. Там у нас у-у-у... суматоха! Ленина ждут!

— Ах, как нехорошо получилось... — огорчённо говорит Владимир Ильич. — А когда же ты вышел из школы?

— Я с послеобеденного отдыха ушёл.

Шофёр:

— А ты не знаешь, где местный Совет?

— Как же не знаю?! Вон за мостом. Там ещё склад рядышком. Мы там картошку получаем.

Ленин:

— Подумать только! Грабят рядом с Советом. Ну и работнички. Придётся как следует взяться за них!

Федя (*Ленину*):

— А вы не Ленин?!

Владимир Ильич улыбается:

— Гм... да... а тебя как зовут? Давай уж познакомимся как следует.

— А меня Федя Котиков... А где же ваш мотор?

Ленин предостерегающе поглядывает на спутников:

— А мы, видишь ли, Федя, решили пройтись пешком.

Федя недоверчиво слушает.

— Ленин разве ходит пешком?

— Даже очень любит. Если б можно было — только и ходил бы пешком.

— А я думал, вы на моторе приедете! И я бы с вами прокатился.

— Ах, вот оно что! Ну, это дело поправимое. Обещаем покатавать тебя на моторе!

— Идти надо бы, Владимир Ильич, — говорит шофёр. — Вызовем машину из Кремля, а я на розыски, по свежим следам...

— Да, да, надо идти! (*Феде.*) Веди, показывай дорогу!

Идут к мосту. Федя забегает со всех сторон:

— А верно вы Ленин? Тетя Паша говорит, что вы царя прогнали, а сами заместо царя!

— Ну, это она преувеличивает! Мне бы одному с царём никогда не справиться. Его все вместе прогнали, весь народ... А теперь про себя расскажи. Как вы там в школе живёте? Не мёрзнете?

— Не мёрзнем... Мы сами столько собрали сушняку... Полный сарай.

— А кормят как?

— Ничего, неплохо! Суп дают, кашу... хлеба фунт... на три раза... (*С гордостью*). У нас паёк красноармеечный... А сегодня вечером будет пирог...

— А учителя хорошие? — спрашивает Мария Ильинична.

— Хорошие! И Пал Саныч хороший! И Ксения Петровна хорошая! И доктор Фаина Марковна! Все хорошие.

Ленин, обращившись к Марии Ильиничне:

— Этот уж не подведёт! (*Феде.*) Ну а если хорошие учителя узнают о твоей самовольной отлучке, то попадёт тебе изрядно, да?

Федя (*обдумывая ответ*):

— Пал Саныч сразу ничего не скажет. А уж потом, при

всех начнёт! (*Копирует Пал Саныча.*) «Вот ребята! Я хочу, чтобы вы ознакомились с поступком вашего товарища и решили, достойно ли это ученика нашей школы?..»

Ленин смеётся. Марии Ильиничне тоже смешно, но она всё-таки неодобрительно покачивает головой:

— Разве можно своих учителей передразнивать? Ваш Пал Саныч правильно указывает...

Федя умолк, забеспокоился:

— А вы обещали Пал Санычу не говорить про меня!

Ленин:

— Раз обещали — не скажем. Но ведь они сами могут узнать, что ты уходил без разрешения...

— Не! Не узнают! Мы как подойдём к нашему парку, я кругом... знаю такую дорожку... Они все обрадуются, что

вы приехали, а про меня и забудут...

— Ну и хитрый же ты, оказывается.

КИРПИЧНЫЙ ДОМ местного Совета. В окнах темно. Шофёр несколько раз стучит в дверь. Сонный, хриплый голос сердито спрашивает:

— Кто там?

— Откройте! Из Москвы! Нам нужен председатель Совета!

В большой комнате беспорядочно стоят столы, тускло горит керосиновая лампа.

— Прошу вас позвать председателя, — обращается Ленин к дежурному, — а мне разрешите позвонить по телефону!

Дежурный топчется на месте. Он не узнал Ленина, но что-то в его голосе заставляет немедленно выполнить просьбу.

Федя глядит во все глаза: что сейчас будет?

Ленин вызывает по телефону Дзержинского:

— Здравствуйте, Феликс Эдмундович... Да, с дороги! Только что какие-то бандиты отняли у нас машину... У моста. Пятеро, по-моему! Мы были уверены, что это проверка... Далеко не уйдут? Вот, товарищ Гиль тоже так считает... Да-да, всё как положено в таких случаях! Наставили револьверы, руки вверх. Не хватало только чёрных масок... Даю вам честное слово, все здоровы и невредимы... Нет, безусловно это не покушение, иначе бы... Спасибо, Феликс Эдмундович, но сейчас не посылайте... тут не очень далеко, мы доберёмся... Нет, зачем ей ждать нас целый вечер... пусть придет часам к одиннадцати...

Входит председатель Совета, пристально вглядывается в человека у телефона, говорит тихо дежурному:

— Эх ты, шляпа! Это же Ленин!

Ленин подходит к нему:

— Как же это вы допускаете, товарищ, чтобы в трёх шагах от Москвы грабили людей. У нас отняли машину!

Федя шёпотом спрашивает у Марии Ильиничны:

— Ленин его казнит?

— Ну что ты, что ты! Потребует, чтобы такое больше не повторялось! И ты смотри, в школе никому не рассказывай. Зачем напрасно беспокоить людей?

ЧАСЫ в школе показывают восемь.

— Скоро всё выяснится, не волнуйтесь, — говорил Пал Саныч окружающим. Нам обещали позвонить из Кремля!

Но сам он с трудом скрывает свое волнение. Надев шапку, без полушубка выходит из дому. Погода изменилась. Идёт крупный снег.

Слышны голоса, к школе подходят какие-то люди.

— А вам, товарищи, кого нужно? — спрашивает Пал Саныч. Вглядывается, говорит изумлённо:

— Товарищ Ленин! Пешком... А мы вашу машину всё смотрели... Звонили в Кремль. Сказали нам, что вы выехали в пять часов...

— Да, так оно и было. Но помешало непредвиденное обстоятельство... Простите, с кем разговариваю?

— Заведующий школой!

Ленин протягивает руку:

— Здравствуйте, товарищ! *(Понижает голос.)* Дело в том, что какие-то тёмные личности высадили нас из машины и угнали её... Нет, нет, ничего страшного, я уже сообщил в Чека. Ужасно досадно, что заставили вас так долго ждать... Но я думаю, что распространяться об этом происшествии не стоит. Всё уже позади и зачем тревожить людей. *(Протягивает Пал Санычу пакет.)* Это ребятам на ёлку. Немножко конфет, изюму, печенья... К сожалению, очень мало...

Подымаются на крыльцо.

— О, сколько снега мы вам нанесём! А веничек у вас найдётся?

Пал Саныч открывает дверь:

— Тётя Паша, дайте, пожалуйста, веничек!

Тётя Паша выносит веник.

Обувь тщательно очищена от снега.

— А тут хорошо у вас, — говорит Ленин, задерживаясь на крыльце. — Живёте прямо в парке.

Тётя Паша тихонько спрашивает у Пал Саныча:

— Это кто такие? С совхоза?

Пал Саныч (*ещё тише*):

— Ленин с сестрой!

Тётя Паша часто моргает:

— Шутите?!

Пал Саныч обращается к Владимиру Ильичу:

— Товарищ Ленин! Прошу вас, проходите...

Тётя Паша опрометью кидается в дверь.

Пал Саныч пропускает впереди себя гостей. Все входят в переднюю. Из гостиной доносится громкий голос:

— Ребята, сидите на своих местах, слышите?

К гостям подходит Пётр Егорыч:

— Дозвольте польта принять!

— Спасибо, товарищ, не беспокойтесь, мы сами!

Ленин помогает раздеться Марии Ильиничне. Обращается к Пал Санычу:

— Куда разрешите идти?

— Вот сюда, пожалуйста!

Гости идут по ковру, Ленин останавливается.

— Уж больно вы живёте роскошно, товарищи, как я погляжу. Такой ковёр положили под ноги. Нет, как хотите, ему здесь не место!

Пал Саныч кашляет, бросает уничтожающий взгляд на тётю Пашу:

— Мы учтём ваше замечание!

Владимир Ильич и Мария Ильинична входят в гостиную. Все поднимаются со своих мест.

Ленин (*огорчённо*):

— Ну что вы, товарищи! Садитесь! Очень прошу! Извините за такое ужасное опоздание! Произошла задержка не по нашей вине, и мы не имели возможности предупредить вас...

Подходит к детям — необычайно притихшим, смущённым. Обращается к Пал Санычу:

— Они у вас всегда такие тихони? Что-то не верится!

Подымается девочка с кошечками, начинает дрожащим голосом:

— Дорогой товарищ Ленин! Мы, дети... приветствуем вождя... который...

Беззвучно шевелит губами. Ксения Петровна пытается незаметно подсказать ей:

Ленин (*Ксении Петровне*):

— А ведь нехорошо подсказывать!

Ксения Петровна в панике. Слышен залиvistый лай. В гостиную врывается фокстерьер Бобка, за ним бежит испуганная тётя Паша.

— А это ещё кто такой? — спрашивает Владимир Ильич.

Ребята со всех сторон отвечают.

— Это Бобка! Он не кусается. Он только лает.

Владимир Ильич наклоняется, берёт Бобку за лапу:

— Здравствуйте, уважаемый Бобчинский.

Дружный смех, оживление.

— А теперь пойдём смотреть ёлку, — говорит Владимир Ильич.

Ксения Петровна глядит на Пал Саныча и беспомощно разводит руками, — дескать, ничего не могла сделать. Пал Саныч отвечает ей успокоительным жестом: всё хорошо.

Гости рассматривают игрушки.

— Отлично! Превосходно! — говорит Ленин. — Мне бы так ни за что не сделать!

Маленькая девочка с пышным бантом берёт его за руку:

— Дядя Ленин! А вы не скоро домой поедете?

— Нет, я у вас долго буду, — успокаивает её Владимир Ильич.

— Оставайтесь у нас всем!

Владимир Ильич серьёзно отвечает:

— Хорошо, я подумаю!

Пал Саныч явно нервничает. Отходит от ёлки, бормочет про себя: «Что он там зазнался, что ли! Вот раззява...»

Делает несколько шагов к выходу. В это время в ёлочных ветвях вспыхивают крошечные огоньки электрических лампочек.

— Молодец Серёжа! — говорит Пал Саныч.

В гостиную бочком пробирается Серёжа-механик и, прячась за спины гостей, смотрит на дело рук своих, очень довольный.

— Нет, смотрите, какая электрификация! — оживлённо говорит Владимир Ильич. — Как это вы устроили?

Пал Саныч оборачивается:

— Позовите Серёжу-механика!

Гости пропихивают вперёд упирающегося, смущённого Серёжу.

— Вот это, Владимир Ильич, Серёжа Зинин, истинный виновник торжества! Мы именуем его Серёжа-механик. Мастер на все руки.

Ленин пожимает ему руку:

— Скажите, товарищ Зинин, откуда идёт питание токком?

Серёжа расцветает от удовольствия:

— Да я, товарищ Ленин, собрал тут двигатель... С бору по сосенке... Из разных частей. Керосиновый, четырёхтактный.

— Сколько лошадиных сил?

— Двенадцать. Может освещать школу и подавать воду. Вот только нужно заменить форсунку и насос. Совсем износились.

— Я вам напишу записку в кремлёвские мастерские. И насчёт керосина тоже. Обязательно напомните мне... (Любуется ёлкой.) Вы, товарищ Зинин, действительно сделали прекрасный подарок детям!

Пал Саныч:

— Владимир Ильич! Сейчас у нас начнётся концерт.

Разрешите предложить вам места (*показывает на отдельно стоящие кресла*).

Ленин:

— Э, нет, мы не согласны. Мы лучше сядем с ребятами. Нам будет веселее...

Усаживаются среди детей. Занавес раздвигается. Выходит ведущий. Это мальчуган в длинных брюках, сшитых из зелёной портьеры:

Ведущий декламирует:

Зайчик в танцах

*упражнялся,
Видно, он на бал собрался.
А Лиса из-под кусточка
Всё глядела на дружочка,
Потихоньку подошла
И такую речь вела.*

К Зайчику вкрадчиво подходит Лиса. Вертит пышным

— Сейчас вы увидите представление — зимнюю сказку «Лиса и Зайчик». Зайчик — Смирнова Люда! Лиса — Котиков Федя! Постановка — Ксении Петровны и моя!

Мария Ильинична шепчет Владимиру Ильичу на ухо:

— А ведь это наш Котиков Федя... Уже успел!

За пианино садится Ксения Петровна. На сцену выбегает Зайчик, танцует, прыгает. Звучит весёлая музыка.

хвостом, пришитым к коричневому комбинезону.

Музыка становится тихой, убаюкивающей.

Лиса:

*Позволь, Зайчик, мне,
как другу,
Оказать тебе услугу:
Музыкантов заказать
И с тобою поплясать.*

Весёлая полька. Зайчик и Лиса пляшут. Лиса выделяет невероятные прыжки, ко-

торые заставляют смеяться и детей и взрослых.

Музыка неожиданно оборвалась.

Ведущий:

*Дал Лисице Зайчик лапку,
А Лиса его в охапку.
Крепко-крепко ухватила
И с собою потащила...*

Девочка с пышным бантом, сидящая рядом с Лениным, начинает всхлипывать. Все оборачиваются.

— Ты что? — наклоняется к ней Владимир Ильич.

— Зайчика... жалко!

— Ну что ж поделаться! Зайчик, он, видишь ли, слабенький, а Лисица сильная.

— Не хочу, чтобы Зайчик был слабенький! Хочу, чтобы Лисица была слабенькая!

Ленин гладит её по голове:

— Ну, ты не плачь. Мы стараемся!

На пианино гремят басы. Появляется Медведь. На лапе у него повязка с крупными буквами: «Лесная милиция». Он грозно рычит:

*Что такое? Что такое?
От кого нам нет покоя?*

Лиса хочет скрыться, но Медведь хватает её и крепко держит. Зайчик танцует на радостях.

Ленин говорит девочке:

— Ну вот, и спасли зайчика. — Потом наклоняется к Марии Ильиничне! — Здесь милиция работает значительно лучше, чем у местного Совета.

КАБИНЕТ ДЗЕРЖИНСКОГО. Звонок по телефону.

— Слушаю! Да, приведите! Чекисты ведут по коридору пятерых бандитов.

— Сейчас будете с Дзержинским беседу иметь!

Бандиты испуганно переглядываются. Их вводят в кабинет.

Дзержинский встаёт из-за стола, подходит к ним вплотную:

— Вы знаете, чью машину угнали? Знаете, кто находился в машине?

Один из бандитов:

— Не знаем. Нам машина была нужна.

— В машине находился Ленин.

Бандиты ошеломлены:

— Ленин?!

— Знали, никогда бы не тронули...

— Всё равно, — говорит Дзержинский, — это вашей вины не смягчает!

В ГОСТИНОЙ продолжается концерт.

Две матрёшки исполнили деревенские частушки. Декламация. Выступление хора.

Гости дружно аплодируют.

После окончания концерта убирают стулья, ёлку выдвигают на середину. Начинается хоровод вокруг ёлки, в котором горячее участие принимает и Ленин. Дети хотят вовлечь в хоровод и Марию Ильиничну.

— Нет уж, я лучше буду смотреть на вас! У меня сердце шалит. Не слушается меня!

Девочка с бантом:

— А вы его накажите!

СТОЛОВАЯ. Пал Саныч раскрывает пакет, переданный ему Лениным. Вместе с поварихой тщательно раскладывает перед каждой тарелкой горсточку чернослива, изюма, печенья.

— А вам не кажется, что здесь больше? — спрашивает он у поварихи и перекладывает несколько печений с одной горстки в другую.

В столовую входят ребята, гости. Рассаживаются.

Рядом с Лениным и Марией Ильиничной — сияющий Федя Котиков. Ленин говорит тихонько:

— А на моторе мы тебя покатаем. Он уже здесь. Всех покатаем.

Девочка с бантом (*жуёт чернослив*):

— Ой, как вкусно! Это что такое?

Соседняя девочка:

— Это такая конфета!

Пал Саныч (*обращается к Ленину*):

— Владимир Ильич, не скажете ли несколько слов?

Ленин подымается:

— Товарищи! И вы — товарищи ребята! В нелёгкое время живём мы с вами. Все — и большие и маленькие — испытываем на себе его тяготы. Со всех сторон лезут на нас сильные и беспощадные враги. Но народ наш, взявшийся за оружие, победит их. Обязательно победит... И не-

далеко то время, когда мы навсегда покончим с белогвардейцами... Начнём восстанавливать разрушенное, строить новое. Будем учиться. Все будем учиться. Я уверен, что тут сидят будущие инженеры, учёные, умелые рабочие, артисты, путешественники...

Девочка с бантом поднимает руку.

Ленин:

— Слушаю!

— А я буду кассиршей! Можно?

— Конечно! Кассирши нам очень понадобятся. У нас будет много магазинов... Вот сегодня, — продолжает Владимир Ильич, — на наших глазах произошло маленькое чудо: зажглись электрические огоньки на ёлке. Придёт время — и оно не за горами, — когда огни будут гореть всюду. Электричество не только даст свет. Оно заставит двигаться поезда, машины на заводах и фабриках, а товарищ Зинин будет начальником большой, настоящей электростанции... А сейчас мне надо собираться. Уже поздно... Да и на машине надо успеть вас покатавать!

ЭТО БЫЛО в январе девятнадцатого года, когда Ленин приезжал в школу под Москвой встречать Новый год вместе с ребятами.

я а ю ю о

Рисунки П. Вискова

ИЗ ХЕЛЬСИНКИ ИЛ-18 прилетел в полночь и занял место по соседству с ТУ-124, уже укрытым чехлами.

Люди сходили по трапу, держа наготове паспорта. Сержант Кадышев раскрывал их, бросал быстрый взгляд на фотографию, кивал, давая понять, что не препятствует выходу.

Дул южный ветер, было жарко и влажно. Втиснувшись в вагончики без стёкол, с пустотами вместо дверей, пассажиры покатали бесшумно по бетонным, похожим на соты плитам к вокзалу. Сержант стоял боком и не видел его, но всё время ощущал неяркий, расплывчатый свет от неоновых ламп. Свет этот раздражал. И жара раздражала. И всё кругом... От усталости, делающей человека не тем, какой он есть на самом деле. За прошедшие сутки кроме двух обычных рейсовых самолётов принял ещё пять внеплановых — этот был последний. До восьми утра наступало затишье. Сержант валился с ног, но старался выглядеть бодрым.

— Все, что ли? — нетерпеливо спросил он бортпроводницу, направляя луч от карманного фонаря вверх. — Девяносто один...

— Почему девяносто один? Девяносто два...

— Девяносто один, — упрямо повторил Кадышев.

— Да нет же, мальчики, девяносто два, я прекрасно помню: когда мы поднялись в воздух, было три свободных места.

— У тебя сколько получилось? — хмуро спросил сержант напарника, пропуская на трап Нину Петровну, санитарного врача.

— Девяносто один.

— Вот путаники, — пробурчал Кадышев, складывая паспорта в кожаный портфель.

Он поднялся на самолёт, прошёл в хвост. Запах духов, выкуренных сигарет всё ещё держался в салоне. Кадышев присел на корточки, лучом пошарил под креслами, сощурился: что-то белело поодаль.

Голые детские ноги вытянулись вдоль стены. Кадышев увидел сбившееся платье, синие, в пыли, туфли. Стал вытаскивать девочку. Она повисла у него на руках, потом вдруг рванулась, закричала — Кадышев едва удержал её.

Подросла Нина Петровна. Сержант крикнул напарнику, чтобы вызвал капитана Вагина, а сам принялся спрашивать девочку, повторяя крепко заученные на разных языках одни и те же фразы:

— Говоришь ли ты по-английски? По-немецки? По-французски?

Девочка плакала, пихалась руками и ногами, съезжала с сиденья, норовя убежать. Всякий раз Кадышев загораживал ей дорогу своим большим нескладным телом и усаживал на место.

— Суоми? Финлянд?..

Врачиха бормотала нежные слова, торопливо тыкала чёрной головкой стетоскопа в грудь, спину, бока девочки...

— Ну, чего разревелась, курносая, — сказал Кадышев грубовато, так и не добившись от неё ни слова. — Режут тебя, что ли?

Он вытащил из кармана французский ключ на кольцо с пластмассовыми брелоками и побренчал. Девочка умолкла. Тогда он настойчиво, несколько раз звякнул побрякушками теперь уже перед самым её разгорячённым лицом. Она перестала плакать, посмотрела сквозь слёзы недоверчиво на яркопёрого петуха с красными глазами, на белую избушку, которые покачивались на короткой цепочке, потянулась к ним. С невозмутимым видом Кадышев ловко зажал кольцо между толстыми пальцами и развёл руками. Девочка слабо улыбнулась, всё ещё всхлипывая. Сержант незаметно перекинул ключ к ладони, протянул руки.

— Что, нету? Куда же всё подевалось?..

Нина Петровна не заметила манипуляций Кадышева. Поджав губы, она смотрела озабоченно куда-то в пространство.

— Поглядите за ребёнком, я скоро вернусь, — сказала она, поднимаясь и заталкивая в карман халата стетоскоп.

Но на землю она не сошла. Стоя в дверях, она говорила что-то вниз, в темноту, доктору Муратовой, ожидавшей её у трапа. Потом Кадышев услышал ещё голоса, — пришёл капитан Вагин, а Нина Петровна не пускала его.

— Не могу, капитан... Не могу... Иначе мне придётся и вас задерживать тут.

«Вот и засели», — подумал Кадышев, с неприязнью взглянув на девочку.

Капитан потребовал его. Сержант докладывал с верхней ступеньки трапа — капитану пришлось стоять, задрвав голову; Кадышев чувствовал неловкость от непривычного положения.

— Хорошо, — напрягая голос, сказал капитан. — Оставайтесь в самолёте, от девочки не отлучаться. Понятно? Действуйте.

И, кивнув Муратовой, пошёл на вокзал.

ДОКТОР Муратова, маленькая невзрачная женщина, старалась не отстать от капитана Вагина и делала вдвое больше шагов, нежели он. Молчали. Потом капитан спросил, кивнув в сторону самолёта:

— Надолго?

— Сейчас вызовем бригаду, а там уж видно будет.

В таможенном зале было светло, людно и суетно. Горели все люминесцентные лампы, в тёплом воздухе плавали слоями и растворялся табачный дым. Ровный гул голосов, беготня носильщиков, поиски какого-то мистера Джекобсона...

Встав в центре зала, капитан Вагин громко сказал по-английски:

— Господа! Минуту внимания. Все ли хорошо проверили свои вещи? Ничего не забыли в самолёте?

Седой грузный мужчина, отвечая за всех, помахал перед собой руками, равнодушная, усталая толпа, окружившая было капитана, задвигалась, готовая разойтись. Но капитан поднял палец и улыбнулся вежливо:

— Я прошу родителей посмотреть, не потеряли ли они при выходе с самолёта своих детей.

Кое-кто засмеялся. Седой, заложив пальцы за подтяжки, неестественно громко хохотал, откинув большую голову, потом одобрительно похлопал капитана по плечу:

— Вери гуд!

Капитан снова улыбнулся:

— А теперь небольшое сообщение сделает доктор Муратова.

Он терпеливо переводил, тщательно подбирая слова. Муратова говорила, что в самолёте найдена больная девочка и санитарная служба подозревает инфекционное заболевание. По существующим законам врачи вынуждены всех пассажиров, ехавших с девочкой, изолировать, пока не будет точно установлен диагноз.

Как-то вдруг стихло кругом, и капитан Вагин стал хорошо слышать голос Муратовой и собственный тоже. Толпа увеличилась, уплотнилась, задние вставали на цыпочки, напирала, капитану приходилось вытягивать руки с поднятыми ладонями.

— Чья это девочка?

— Нам ещё пока не удалось выяснить.

— У неё чума?

— Христос с вами, не произносите это ужасное слово, — сказала узколицая дама бледнея.

— Мы должны знать, что нас ждёт. Вы не можете скрывать...

— Господа, спокойно, спокойно, — говорил капитан Вагин, сдерживая толпу. — Не надо волноваться. Всё будет в порядке.

— Но мы все можем заболеть?!

— Воже, какая нелепость — приехать на неделю в Россию и погибнуть в первый же день, — шептал молодой человек в сутане. Он сцепил руки у подбородка и умоляюще смотрел на врачуху.

— Переведите им, — сказала Муратова, сжимая кулачки. — Я повторяю: диагноз не установлен, пока у нас лишь только подозрения, но мы не можем рисковать здоровьем людей. Наша служба примет все меры к тому, чтобы не заболел никто — ни тот, кто находился в непосредственном контакте с ребенком, ни тот, кто этого контакта не имел.

Узколицая дама закивала, но её тусклые глаза по-прежнему выражали печаль и недоверие.

— А я даже не видел этой девчонки, — заговорил седой по-русски и чисто. Благодушие покинуло его. Он надвинулся на капитана, едва не касаясь его вздутым, как мяч, животом, и темпераментно жестикнул. — Почему я должен терять время по пустякам. Я — бизнесмен. Завтра у меня с утра деловые встречи. Если я не явлюсь, моя фирма понесёт убытки. Кто их возместит?

— Ничем вам помочь не могу, — сказала Муратова. — Наши законы одинаковы для всех.

— Но хоть телефон-то у вас по крайней мере тут есть? Свяжите меня с посольством.

— На столе у администратора — прямо и направо.

Подожёл жующий резинку мужчина, светловолосый, с круглыми пьяными глазами, долго смотрел на капитана, наконец проговорил что-то, не переставая по-коровьи жевать.

— Не понял, — сказал капитан Вагин.

— Он швед, — вступилась женщина с волосами зеленоватого оттенка, — спрашивает, есть ли здесь бар.

— Ах ба-а-а!.. Нет, бара тут нет. Но мы попросим, чтобы из ресторана сюда что-нибудь принесли.

Толпа редела. Человек в сутане стоял у окна, перебирал изнеженными пальцами янтарные чётки. Молодожёны из Алжира устраивались коротать ночь медового месяца в креслах. Седой кричал в телефонную трубку.

Аэропортовские служащие запирали двери — пассажиры самолёта 76835 были изолированы.

Грузовик-тяжеловоз оттащил самолёт в самый дальний угол аэродрома, подальше от людей.

Девочка спала, уткнувшись головой в плечо Нины Петровны. Кадышев ходил скучными шагами по ковровой дорожке, посланной в проходе, позёвывал и ругал по-всякому безродную пассажирку, врачей, свою беспокойную службу...

Потом стал думать про девочку. Чем она таким больна, раз не пускают никого на землю? Даже экипаж в самолёте сидит. За два года службы Кадышева ничего подобного не случилось. Страшным чем-нибудь, заразным. Тогда он наверняка заболит. Холерой, оспой или, может, чумой... И умрёт. Кадышев подумал о смерти. Подумал так, как думают о ней молодые, здоровые ребята — не то чтоб не веря в неё, но и не принимая всерьёз, считая, что она может коснуться кого угодно, только не его. И стал фантазировать. Вот его несут в гробу под знамёнами. Впереди оркестр. Потом генералы, полковники, которые и знать-то его не знали. Троекратный салют. Речи. А он стоит над могилой и видит себя, лежащего с закрытыми глазами. И слышит речи, разговоры о себе — все говорят только хорошее, доброе. Даже старшина, с которым у Кадышева были нелады. И это было приятно. Как приятно слышать о себе хорошее!

Где-то поблизости взрвели моторы. Девочка села, потёрла кулачками глаза и прильнула к иллюминатору. Было совсем светло, все предметы обрели свой цвет и объём: мелкие, высокие облака, подсвеченные невидимым ещё солнцем, были неподвижны.

— Тебе нужно куда-нибудь, да? — спросила Нина Петровна, с удовольствием распрямляя затёкшие плечи. — Идём...

Прижав нос к стеклу, девочка что-то сказала, потом обернулась и, смеясь, заговорила возбуждённо. Кадышев вслушивался в её частую речь с удлинёнными, сдвоенными звуками, с рублеными окончаниями слов, понял: финка.

— Откуда ты всё-таки взялась, а? — спросил он, понимая бесполезность вопросов и с любопытством разглядывая её. На вид ей было лет девять-десять. Белобрысенькая. Волосы прямые, жёсткие, с чёлкой, глаза весёлые, зелёные, и переднего зуба нет. — Мать-то у тебя где?

Она улыбнулась смущённо, опустила ресницы и прикрылась локтем.

— Ах ты, боже мой, какая кокетка, — сказала Нина Петровна, подчёркивая голосом иронию. — Ну, ладно, ладно, пойдём скорее...

Возвратившись, девочка повертелась в проходе, потом неожиданно бросилась к выходу и кубарем скатилась вниз. Кадышев догнал её уже на земле. Азартно смеясь, девочка отбивалась от него, но он сгрёб её и понёс по тряскому, вздрагивающему трапу. В самолёте опустил на пол, погрозил пальцем. Она восприняла угрозу как игру, посмеиваясь, хлопнула несильно Кадышева по руке и спряталась за дальним креслом.

— Чего заигрываешь без пряников? — сказал он вяло, усаживаясь поудобнее и вытягивая ноги.

Не дождавшись, девочка тихо подошла к Кадышеву, заглянула в сердитые глаза.

— Ну, что скажешь? — проговорил он, вздыхая. — Как тебя хоть звать-то? А?.. Звать как? Тебя! — он постучал пальцем по её груди. — Понимаешь? Меня — он ткнул себя в грудь, — меня зовут Яков. Яша я, Яков. Понятно? А тебя?

Она смотрела на него, не мигая, потом сказала радостно:

— Яакко...

— Да, да, — закивал Кадышев. — Я — Яков, а ты?

— Ти?.. Сюльви.

— Как? Как? — переспросил Кадышев, наклоняясь к ней. — Сюльви? Гляди, какое у тебя красивое имя. Ты живешь в Хельсинки? В Хель-син-ки?

Подошла машина, гулко хлопнули в тишине дверцы, послышались голоса, и самолёт затрясся от грубого топота по трапу. Сюльви насторожилась. В самолёт входили чудища — резиновые сапоги до колен, белые комбинезоны, белые халаты с капюшонами, очки-маски скрывали глаза... С воплем Сюльви бросилась к Кадышеву, спрятавшись за него.

— Не бойся, не бойся, — успокаивал сержант, беря её на руки. — Врачи это, доктора... Посмотрят и — всё. Больно не сделают...

— Ну-ка, покажись, детка, сейчас мы тебя посмотрим, — сказала низкорослая женщина (это была Муратова), крепко захватывая вырывающуюся девочку. Лётчики включили полный свет. — Пожалуйста, Авдей Фёдорович.

На коленях у Кадышева Авдей Фёдорович цупал, вертел Сюльви жесткими руками в резиновых перчатках, задрав её платице, несвежую рубашонку.

— Видите, профессор? — кивнула опасно Нина Петровна на пятнышки сыпи, облепившие бок и живот, на свежий, не заживлённый ещё рубец, косо пересекающий тело от груди до бедра.

— Так, так, та-ак, — не торопился высказать своё мнение Авдей Фёдорович. — Температура?

— Тридцать семь и три... Но обратите внимание на частый пульс.

Авдей Фёдорович молча взял руку Сюльви, сжал запястье, но вскоре опустил.

— Нормальный пульс, — проворчал он, недовольно подёрнув плечами. — Надо учитывать нервное состояние ребёнка, — и откинул капюшон, затем снял перчатки, маску.

Это был бледнолицый, со впалыми щеками старик. Он говорил что-то врачам, не глядя на них, многие слова были незнакомы Кадышеву, но он понял одно: тревога оказалась ложной и скоро наконец закончится его затянувшийся наряд.

— Значит можно отменить карантин? — спросила облегчённо Муратова, тоже освобождаясь от защитной одежды.

— Можете... А девочку я хотел бы всё же ещё посмотреть: она недавно перенесла какую-то тяжёлую травму.

Он первым покинул самолёт и направился к санитарной машине, возле которой стоял капитан Вагин. Нина Петровна распахнула задние дверцы, поманила Сюльви, цепко державшуюся за Кадышева. Девочка сразу остановилась, умоляюще посмотрела на сержанта и теснее прижалась к нему, а для большей крепости стиснула его пальцы ещё и другой рукой.

Кадышев чувствовал себя неловко — все смотрели на него. Он же не умел обращаться с детьми и считал, что это вовсе не мужское дело. Он подтолкнул Сюльви к машине, стараясь выдернуть руку, сказал, выдавая смущение:

— Вот привязалась... Что я тебе — нянька, что ли...

Сюльви не двинулась с места.

— Помогите же, молодой человек, — раздражённо проговорил из кабины Авдей Фёдорович. Он опустил на землю ногу и повернулся назад. — Вы же видите, она только вас и слушает...

Тогда Кадышев подвёл её к автомобилю. Она забралась внутрь, не выпуская руки сержанта. Согнувшись, он просунул голову в кузов. Сюльви тотчас же ухватила Кадышева за шею. Он с трудом отцепил её руки, выпрямился, но не успел закрыть дверцы: с воплем она выскочила из машины. Женщины стали усаживать её обратно, но Сюльви упиралась, изворачивалась, крича призывно:

— Яакко, Яакко!..

Кадышеву пришлось взять Сюльви на руки, залезть в машину. Женщины сели возле девочки, по бокам, Кадышев неожиданно выпрыгнул, и «Волга» тотчас же тронулась с места.

Утром, в начале одиннадцатого, к аэровокзалу подкатила «скорая помощь». Молоденькая медсестра с подведёнными ресницами и вздыбленной коконом прической, громко стуча каблучками повела Сюльви к пограничникам на контрольно-пропускной пункт. При виде их капитан Вагин улыбнулся измученно, почесал за ухом, сказал, обращаясь к Сюльви:

— Ну что я буду делать с тобой целый день? Ах, беда ты моя. — Цокнул, вздохнул, посмотрел на смазливенькое личико медсестры: — Может быть, вы останетесь с ней?

— Нет, что вы, — усмехнулась медичка, на пухлых щеках появились ямочки. — Мне на дежурство надо ехать.

— Раз надо, так надо, — развел руками капитан. — А у девочки всё в порядке?

— Да, она вполне здорова. Гемоглобина, правда, маловато, но ничего. Мы её выкупали, покормили, она поспала.

— Могли ещё подержать, мы бы не обиделись. Я же говорил с больницей... Самолёт летит только в семнадцать тридцать...

Девушка пожала неопределённо плечами:

— Мне ничего не сказали... Но вообще, вы знаете, у нас страшно тяжело с койками.

Капитан слегка прикоснулся рукой к спине Сюльви, подвёл девочку к столу, пододвинул стул:

— Садись сюда, будешь рисовать. — Он поискал бумагу, положил лист, затем похлопал себя по карманам и крикнул в соседнюю комнату: — Гейченко, карандаш есть? Какой-нибудь — красный, синий, всё равно. Даже простой можно.

— Никак нет, товарищ капитан, — не то с удивлением в голосе, не то испуганно проговорил долговязый Гейченко, появляясь в дверях.

— Что ж вы так, Гейченко, без карандаша живёте, — добродушно ворчал капитан Вагин, роясь в ящиках стола. Ничего не найдя, он достал из портфеля шариковую ручку, положил на бумагу. — На, рисуй и нам не мешай.

Сюльви нарисовала дом, рядом расположились ёлки, острые, с зазубринами, как стрелы, девочка со страшной физиономией, косами до пят и развёрнутыми в разные стороны ступнями стояла возле дома, держа в руке корзинку, четвертушка солнца, словно из лейки поливала своими лучами из верхнего угла весь этот пейзаж. Потом Сюльви перевернула листок, и снова на нём появился дом...

Надев фуражку, капитан Вагин вышел. Через полчаса он вернулся вместе с солдатами. Девочка внимательно оглядела каждого, как бы ища кого-то, и, высунув кончик языка, продолжала рисовать. Солдаты, торопясь, просматривали за столом паспорта с коронами, гербами, вытисненными на твёрдых, разных цветов обложках, отрывали талоны, ставили штампы... Капитан говорил по телефону.

— Девчонка-то где? — спросил он, положив трубку, и оглянулся растерянно.

— Только что сидела здесь, товарищ капитан...

— Только что, только что... А ну, живо, разыскать! — и выскочил вслед за солдатами.

Её нашли в толпе пассажиров, идущих к самолёту на Адлер. Капитан Вагин схватил Сюльви за руку, она безропотно, даже охотно повернула назад, смеясь и болтая.

— Ну, дала бы ты нам прикурить, — проговорил капитан, вешая фуражку на крючок, стёр пот со лба. — Гейченко, следи за девочкой, головой за неё ответишь, понял? Чтоб никуда отсюда... Пусть сидит рисует.

Гейченко увёл Сюльви к себе, достал из кармана зелёное яблоко, протянул девочке:

— На-ка, ешь...

Капитан принёс ещё лист, положил ту же ручку. Но Сюльви не притронулась к ней. Она надкусила жёсткое несладкое яблоко, поморщилась и, отбросив его, побежала обратно в смежную комнату. Там она уселась на старый, обитый чёрной клеёнкой диван, потом, скинув туфли, залезла на него и стала прыгать, подскакивать на пружинах, вскрикивая от удовольствия. Гейченко не смог её ухватить: увернувшись, она спряталась за валик, выжидающе поглядывая на солдата, и вдруг помчалась к капитану, плюхнулась ему на колени.

— Баловница, вот ты кто, — строго сказал капитан, ставя её на пол.

Тогда Сюльви, крадучись, направилась к телефону, покрутила диск и схватилась за трубку... Девочку веселило, что за ней пристально наблюдают взрослые, пресекая каждую её выходку, и она ещё больше озорничала — то ворошила бумаги на столе, то выбегала в холл и смеялась, когда за ней скопом устремлялись солдаты...

— Ну, хватит, — не выдержал капитан, отбирая у Сюльви папку с документами. Он запер шкаф на ключ и позвонил в штаб, требуя немедленно прислать Кадышева.

Минут двадцать спустя Сюльви услышала знакомый глуховатый голос, метнулась из соседней комнаты, крича радостно:

— Яако! — и прильнула к нему.

Капитан улыбнулся, солдаты перемигнулись многозначительно. Кадышев, не ожидавший застать Сюльви, нахмурился.

— Ставлю задачу, — сказал повеселевший капитан Вагин, глядя в злые глаза Кадышева. — Забирайте девочку, идите с ней куда хотите. Только, чтоб не крутилась под ногами и не морочила нам головы. В шестнадцать ноль ноль быть здесь. Ясно? Выполняйте.

Они пили газированную воду из автомата, постояли возле горбатой машины, подбиравшей мусор, затем, миновав вокзал, вышли к лужайке.

Тут, в стороне от вокзальной сутолоки, было спокойно. Кадышев скинул ремень, лёг на живот, распластав локти, густая, не тронутая косой трава приятно холодила разгорячённое тело. Сюльви собирала цветы. Сквозь щекочущие лицо былинки Кадышев видел её согнутую спину, заштопанный уголок платья у самого плеча, отметил про себя: «Не ахти как живёт. Детдомовская, что ли?» И вдруг резко, как голод, ощутил желание узнать что-нибудь о девочке. Почему люди говорят на разных языках, думал он, разве это справедливо? Быть рядом и ничего не знать друг о друге...

Он старался представить возвращение Сюльви домой. Как ни хотел увидеть финскую деревню, в голове всё равно получались его, Кадышева, Верхние Костюки: избы, потемневшие от времени, резные наличники, колодец-журавль, на улице тихо, гуси щиплют кудрявую травку... Мужики, бабы обступят Сюльви, будут ахать, качать головами, а она затараторит — о самолёте, о незнакомом городе, где все говорят на незнакомом языке. Ей скажут, что она побывала в России, и, может быть, Сюльви в первый раз услышит это слово. Ещё Кады-

шев подумал о том, что никогда более не увидит её, даже не узнает, приедет ли она когда-нибудь сюда сызнова. Но всё-таки это своё странное путешествие она запомнит и, наверное, Яакко тоже запомнит. И будет для неё Россия — людный аэропорт, бортипроводница, непонятные ночные чудовища, оказавшиеся потом совсем нестрашными докторами, и они, пограничники... Понравились ей люди — полюбил всю Россию и навсегда, не понравились...

Потеряв из виду девочку, Кадышев резко поднял голову, обернулся — направо, налево... Сюльви, притаившись, сидела на корточках подле него, сзади. Увидав встревоженные глаза сержанта, она мазнула его по щеке кисточкой мятлика и отскочила, громко смеясь. Он тоже засмеялся, встал, отряхнул гимнастёрку.

— Тебе бы только побаловать... — сказал он ласково и протянул Сюльви руку.

— **НАГУЛЯЛИСЬ?** — встретил их капитан Вагин, взглянув на часы. — Теперь уже скоро и самолёт...

Сюльви подбежала к капитану, торопливо отделила несколько ромашек из букета и протянула ему.

— Ах, ты... — потрепал её по голове капитан, растроганный подарком.

А она, вырвавшись, помчалась в другую комнату, сунула несколько цветков Гейченко, ещё несколько — солдату, сидевшему за аппаратурой, и остальные — Кадышеву.

Вскоре пришёл чиновник консульства — сухопарый, лет сорока мужчина в чёрном костюме, господин Хаалонен. Он чуть наклонился к девочке и, разглядывая её сквозь массивные квадратные очки в чёрной оправе, сказал по-фински, слегка улыбаясь:

— Здравствуй, дитя моё.

— Здравствуйте, — тихо ответила Сюльви, вдруг оробев, и спрятала руки за спину.

Они присели на диван. Господин Хаалонен спрашивал её о чём-то. Сюльви отвечала, сначала несмело и коротко, но потом освоилась, даже стала раскачиваться на диване, то и дело натягивая платье на оцарапанные коленки. Господин Хаалонен внимательно слушал, склонив голову набок, иногда смеялся сдержанно, не отнимая руки от подбородка. Наконец, мелко и часто кивая, дал понять, что ему всё ясно, и обнял девочку за плечи.

— Её зовут Сюльви Юрияпя, — сказал он, повернувшись к капитану Вагину. — Она живёт в деревне Лохи-Йоки. Я так думаю, что это где-то на севере, в Лапландии. Сюльви девять лет. Она имеет мать и брата, а отец её умер, правильнее будет сказать погиб — его придавило деревом при рубке леса. Однажды она с матерью поехала в город и по дороге их грузовик столкнулся с встречной машиной. Сюльви отправили на вертолёте в Хельсинки, в госпиталь. Там она поправилась, её уже выписали, а мать по какой-то причине не приехала за ней в назначенное время. Тогда Сюльви потихоньку ушла из больницы, встретила по дороге автомобиль, которым управляла какая-то женщина, и сказала, что ей надо обязательно на самолёт — там её ждёт мама. Женщина ей поверила, на аэродроме Сюльви вместе с пассажирами прошла к самолёту и села на свободное место. Пассажиры не обратили на неё внимания, думали, что она путешествует с кем-то из взрослых. Только тогда, когда уже подлетали к Ленинграду, одна соседка, тоже финка, спросила Сюльви, имеет ли она заграничный паспорт, и сказала, что без паспорта с самолёта никого не выпустят. Сюльви ответила, что паспорт у мамы, а мама сидит сзади. Это не вызвало никаких подозрений. А сама Сюльви напугалась, она поняла, что что-то неправильно сделала, и, когда люди стали выходить, спряталась. Она думала, что самолёт увезёт её обратно. Вот и всё.

Капитан добродушно усмехался, посмотрел на Сюльви пристально, как бы впервые увидев её.

— Конечно, самолёт летит из Хельсинки без посадок, всего сорок пять минут, — сказал он. — Разве что узнаешь толком о соседе... Но как она ловко обвела всех вокруг пальца! Хитрющая девка, озорница...

Господин Хаалонен поднялся, лицо его стало строгим, официальным.

— У нас ещё есть время, — сказал он. — Если вы не будете ничего иметь против, мы пойдём с Сюльви в ресторан пообедать, а потом закончим с формальностями.

На лёгном поле капитан Вагин и господин Хаалонен вели Сюльви к самолёту. Они держали её с обеих сторон за руки. Сюльви бежала, подскакивая, прыгая на одной ножке, и Кадышеву вспомнился лягушонок из прочитанной в детстве сказки, которого несли по воздуху на прутике в тёплые края дикие утки. Вдруг все остановились, Сюльви повернулась к Кадышеву, помахала ему и крикнула пронзительно:

— Я-акко-о-о!!!

Он тоже поднял руку, помахал в воздухе.

У самого трапа она неожиданно бросилась со всех ног к нему, оставив в растерянности капитана и консульского чиновника. Кадышев расставил широко руки, Сюльви ткнулась ему в живот. Сержант присел, она отрывисто поцеловала его в щёку и понеслась обратно.

— Сюльви, Сюльви, подожди! — позвал Кадышев. Она остановилась, он настиг её, поискал что-то в карманах, вынул ключ, снял его и протянул кольцо с пластмассовыми побрякушками: — На-ка, возьми себе... А теперь беги скорей.

Зажав в кулаке пёстрога петуха, она помчалась к самолёту. Кадышев тоже пошёл туда.

Гейченко проверял у трапа документы. Пассажиры поднимались один за другим, теснились возле узкой самолётной двери. Кадышев заметил, как кто-то протискивается сквозь толпу, двигаясь против течения — люди нагибались, смотрели куда-то под ноги, расступались

неохотно. Наконец появилась Сюльви. Разыскав глазами Кадышева, она крикнула сияя:

— Яакко!

Но тут кто-то потянул её за руку, и девочка скрылась.

Потом загудели моторы, трап отодвинулся, ИЛ-18 тяжело пополз на взлётную полосу. Кадышев стоял рядом с капитаном Вагиным, Гейченко и господином Хаалоненем, тоже ждал... Вскоре самолёт мелькнул где-то вдаль, будто чиркнул по земле и, поднявшись в воздух, стал стремительно превращаться в точку. А Кадышеву всё ещё слышался, совсем рядом, тоненький пронзительный голос:

— Яакко!..

Все пошли обратно. Кадышев шагал и думал, что завтра будет такой же день, как год, месяц, неделю назад, та же служба, та же проверка документов, но завтра ему будет недоставать кого-то...

А. КРЕСТИНСКИЙ

Д О М

«Тут-тук!» —
                        молоточки
Над синим прудом...
Кузнечики ночью
Построили дом.
А мы на рассвете
Взглянули вокруг
И дом этот славный
Заметили вдруг.
Вот крыша
                        прозрачная —
Купол небес,
Вот стены высокие —
Горы и лес.
Дом, ветрами
                        полный,
Стоит без дверей,
А в доме просторно
Для птиц и зверей.
Тут каждый —
                        хозяйин:
И крот, и орёл,
Для всех
                        под зелёною
                        скатертью —
Стол.

Пускай ты летаешь,
А я вот — хожу
И ползать не мог бы
Подобно ужу,
Под крышей одной
Мы встречаем
                        рассвет,
И дом у нас общий,
И ты — мой сосед!

Рис.

Г. Ясинского

Г. ЧЕРКАШИН

МЕДНЫЕ ГИЛЬЗЫ

Я мечтал только об одном — чтобы на Берлин сбросили бомбу. Прямо на Гитлера.

Я хорошо помню день, когда эта мысль пришла мне в голову, помню неглубокие, бурные окопы, которые, как сабельные рубцы, пересекали голую, по-зимнему серую Севастопольскую щетинистую степь. Брустверы окопов были усеяны стреляными винтовочными гильзами — немецкими с одной стороны и нашими с другой. Вперемешку валялись пахнущие прелой кожей каски. Диски от пулеметов. Попадались винтовки и автоматы с заржавленными затворами, кинжальные штыки немцев и ручные гранаты-лимонки без запалов.

Мы складывали их в кучи на дне какой-нибудь воронки и метили ее камнями или касками. Иногда встречались побывавшие под танком противотанковые пушки и рядом в зелёных ящиках лежали снаряды. В другое время мы бы разрядили их, чтобы на-

брать пороха, а гильзы пустить потом под коптилки, но сейчас мы проходили мимо, старательно глядя себе под ноги, откуда то и дело вспархивали похожие на перепёлок хохлатые пичуги. Отлетев на несколько шагов, пичуги садились и провожали нас встревоженным взглядом. Они не понимали, какого чёрта нас занесло в эту напичканную минами степь.

Мины... Эти дьявольские немецкие хлопущки, небольшие раковины с металлическими створками. Они лежали в траве, серовато-жёлтые, незаметные для глаза, но стоило только задеть ногой проволочку, они выпрыгивали и взрывались в воздухе, осыпая всех стоящих и лежащих вокруг шрапнелью.

Паршивые это были мины, и поэтому мы заранее договорились идти друг за другом и внимательно смотреть под ноги. Последние тащили тележку, на которой лежали мешки. Мешки взяли на всякий случай. «А вдруг пригодятся», — сказал Котька, и мы взяли с собой мешки, которые действительногодились...

Над школой висел плакат: «Пионер! Фронту нужны снаряды и пушки! Танки и самолёты! Собирая металлолом, ты помогаешь победе. Смерть немецким оккупантам!»

Мы сами прибывали к стене этот плакат, а внизу стоял комсомольский вожак Дима Фирсов и говорил нам простуженным голосом:

— Будем делать митинг, чтобы без дураков. Фронту позарезу нужен металл, фронт задыхается без металла, это нужно вдолбить вам в головы.

На комсомольскую работу Диму кинули прямо с флота. Сразу после освобождения Севастополя в мае 1944 года. Поэтому он продолжал ходить в бушлате и в бескозырке с надписью «Охрана водного района». Работы у него, наверное, теперь было до чёрта, потому что он быстро потерял морскую выправку, а с бледного лица смотрели припухшие от бессонницы глаза. В городе его можно было увидеть то на каком-нибудь субботнике по разборке развалин, то на базаре, где он с милицией делал облаву на спекулянтов, то на шефском концерте матросской самодеятельности. Сбор металлолома тоже лежал на его плечах.

— И помните: главное — это личный пример, — говорил он, пожимая нам на прощанье руки. — Чтобы без трёпа... И без всяких там дураков.

— Отлично, — сказал Гешка.

И мы пошли за двадцать километров на мыс Фиолент, на разбитую немецкую батарею, где, как говорил Гешка, валялись гильзы из «чистой жёлтой меди».

Конечно, мы могли бы туда не идти. Мы могли бы таскать из развалин покорёженные кровати, трубы и всякие другие железяки, которые таскали все остальные, и нам бы всё равно сказали «спасибо», но теперь нам этого показалось мало. Мы твёрдо решили стать «личным примером».

Когда мы пришли на батарею, солнце уже склонялось к горизонту, поэтому нужно было торопиться, пока не стало темно, пока видны ещё эти чёртовы мины.

С моря дул тёплый южный ветер — левант. Запах сухой травы и пыли смешивался с запахом моря, которое пенилось глубоко под нами. Мы вкладывали гильзы в мешки и нагружали тележку. От голода и от усталости у меня кружилась голова, а ещё нужно было идти обратно, целых двадцать километров.

Я смотрел себе под ноги и видел осколки. Коричневые куски металла с рваными краями и острыми зубринами. Они лежали как зёрна в борозде, один рядом с другим. «Железные зёрна... посеянные железным сеятелем... в железной каске...» — думал я, и мне хотелось лечь и лежать так до тех пор, пока небо не потемнеет, а может быть и до утра, и ни о чём не думать, только лежать и смотреть, лежать и смотреть, и вдыхать запах сухой травы, и так до бесконечности...

Но лежать было нельзя, даже подолгу отдыхать тоже

было нельзя, — солнце теперь светило нам прямо в спину и гнало впереди нас длинные и тощие тени. Надо было идти, пока они ещё есть, потому что в это время ещё можно было видеть всё, что у тебя под ногами, хотя бы осколки.

«Если бы все осколки, — думал я, — сложить вместе, то получится одна бомба величиной с эсминец. И если эту бомбу поднять на огромном самолёте и сбросить на Берлин, то Гитлеру придёт капут и война окончится».

На следующий день мы пошли снова. И так ходили несколько раз подряд, а удивлённый директор каждый раз запирали гильзы в своём кабинете, чтобы их не стащили ночью и не снесли в утильсырьё, где за них много бы заплатили.

Я помню, как совершенно обессиленные тащились мы за ними в последний раз, а Гешка снова запрещал нам кого-либо брать с собой, потому что там были эти поганые мины.

— Нет, — говорил он. — Они могут подорваться, а мы там знаем каждый кустик. К тому же мы знаем друг друга, и мне не нужно будет вертеть головой, чтобы всегда видеть, где же этот новенький. Давайте не будем рисковать.

В тот день мы не успели за-светло дойти до шоссе, и по-

следние километры тащились по степи уже в полной темноте. По небу плыли скользкие бриллиантовые звёзды и переливались, и плыли, и переливались, и только на шоссе, когда я рукавом вытер глаза, звёзды застыли и стали обычными и неподвижными, как на фотографии. Но и по шоссе нам нужно было идти ещё три часа, и мы шли — впереди запряжённый в оглобли Гешка, за ним подталкивающие тачку Вовка Жереб и Шурка Чубан, а уже следом за ними мы с мешками: Котька, горбатый Вася и я. На ухабах и рытвинах, которых была масса, гильзы звенели, они звенели и в наших мешках и, наверное, в домах, мимо которых мы проходили, думали, что это звонят в колокола.

На следующий день в школе, в кабинете директора мы стояли перед Димой Фирсовым. Красными опухшими глазами он смотрел то на нас,

то на гильзы, которые занимали почти весь кабинет.

— Где? Где вы взяли? Столько?

Он, наверное, был болен, он еле ворочал языком. Но и мы, наверное, были не лучше. На уроке у меня тряслись руки и хотелось спать, и я не уснул только потому, что уже за сон из класса выгнали Котьку.

— На Фиоленте, — сказал Гешка, — мы ходили на Фиолент.

— Бросьте трепаться, — сказал Дима. — Туда не пройти, там мины.

Гешка пожал плечами:

— Хочешь верь, хочешь нет.

Дима устало провёл рукой по лицу. Было слышно, как заскрежетала отросшая за ночь щетина.

— Прощу прощения, — сказал он, — всю ночь вкалы-

вал на разгрузке вагонов. Уголь в город привезли. Вам тоже доставим, а то холодно у вас здесь, одно слово — бомбоубежище.

Мы действительно учились в бомбоубежище, потому что школа была разбита, торчали лишь обгорелые стены.

— А за гильзы спасибо. Это вы здорово придумали — гильзы! Это ведь тысячи пат-

ронов для армии! Об этом в газете писать надо... А может, и не надо. А то мы всё пишем и пишем... А ведь надо как? А так и надо. Принесли гильзы — и баста. Смерть, мол, фашистским оккупантам!..

Он покачнулся и сел на стул.

— Худо чего-то... Надорвался, что ли...

— Ещё бы, — сказал директор, — двести граммов хлеба в день... Отдохнуть вам надо, подлечиться...

— Ну уж нет... Пока жив фюрер, пока жив хоть один фашист, нельзя отдыхать. Нельзя! Победим, вот тогда и будем отдыхать. Тогда и будем.

Он встал и покачиваясь вышел из директорской.

Рис. Е. Таранова

Путешествие по стране «Май»

Май — страна быстрых перемен. Нависла над рощей синяя туча, и зазвенел сверкающий дождь. Не успел дождь отзвенеть, а уж над берёзовой рощей зелёная дымка. Из почек высунулись острые зелёные клювики. И на каждом дождинка висит.

Май — страна песен и плясок.

Птицы поют днём, поют утром и вечером. А иные даже ночью поют. Лучше всех поют соловьи, певчие дрозды, черноголовки, зарянки. Это заслуженные певцы леса. Не у всех птиц такие звонкие и красивые голоса. Но и безголосые не унывают, шумят чем только могут. Дятел носом стучит, бекас хвостом дребезжит, аист клювом трещит, как трещоткой. Когда только едят и отдыхают! Зяблик за день спел 2900 песен — по 168 песен в час. Лесной конёк и того больше — 3230 песен, 188 песен за час!

Кукушка до того докуковалась, что даже голос сорвала и охрипла.

Кто поёт, кто танцует. Танцуют на болоте журавли, приплясывают на току тетерева. Вороны и те орут по-особому, по-весеннему. Лягушки и те хором поют.

Май — страна светлых ночей. Зорька зорьке руку протягивает. Ночные птицы — совы и филины — удивлённо хлопают глазами — всё светло да светло! Когда же мышей ловить!

А ребятам-юннатам глазами некогда хлопать. У юннатов-животноводов стадо растёт. Нарождаются телята, жеребята, козлята, ягнята, поросята, крольчата. У садоводов и огородников посадка, прополка, подрезка деревьев. А надо ещё и на рыбалку успеть — рыба начинает клевать.

Комары в мае начинают гудеть. Хорошо, если утренник их прихлопнет, а то успевай только себя по рукам да по шее стучать.

Лес зазеленел, цветы везде, над цветами бабочки. Пчёлы гудят — мёд собирают. Не всё и птицам петь да плясать — пора гнёзда вить, птенцов выводить.

Много интересных событий происходит в стране «Май». Весело по нему путешествовать.

Званный гость

Увидала Сорока Зайца — ахнула:
— Не у Лисы ли в зубах побывал косою? Мокрый, драный, запуганный!
— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал да не простым гостем

был, а званным...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день — то

день рождения. Я мужик смиренный, меня все приглашают. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакал я к ней. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих под нос суёт: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Но я мужик смиренный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопоухие!» Что тут началось! Ты, кричит, окосел? Стройеньких да грациозеньких зайчат моих колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсучиха спрашивает: «Ну как детишки мои, нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил: «Стройненькие, говорю, какие они у тебя да грациозненькие!» — «Какие, какие? — ошетибилась Барсучиха. — Сам ты, кашей, стройненький да грациозненький! И отец твой и мать стройненькие, и бабка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш поганый заячий род костлявый! Его в гости зовут, а он насмехается! Да за это я тебя не угощать стану, а тебя самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие...»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Скачу по лесу и слышу — Белка с ёлки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты видел?»

«Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, и без того в глазах что-то двоится...»

А Белка не отстаёт: «Может ты,

Заяц, и смотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!»

— «Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы, да снизу-то мне их в гнезде-тайне не видно! А на ёлку к ним не залезть».

«Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?»

— Всякие, — отвечаю, — такие и этакие!

Белка пуще прежнего сердится:

— Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!

— Умные они у тебя и разумные!

— Сама знаю.

— Самые в лесу красивые-раскрасивые!

— Всем известно.

— Послушные - рас- послушные!

— Ну, ну?! — не уни- мается Белка.

— Самые-всякие, та- кие-разэтакие...

— Такие - разэтакие?.. Ну держись, косой!

Да как кинется! Взмокнешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переве- ду. От голода чуть живой. И оскорб- лён и побит.

— Бедный, бедный ты, Заяц! — пожалела Сорока. — На каких уро- диков тебе пришлось смотреть — зайчата, барсучата, бельчата — тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-ду- шечек моих налюбовался! Может, завернёшь по пути? Тут рядом со- всем.

Вздрыгнул Заяц от слов таких да как даст стрекача!

Звали потом его в гости ещё лоси, косу- ли, выдры, лисицы, но Заяц к ним ни ногой!

Королёк и Паук

— Э-э, Паук, да у тебя праздник! Вся паутина в росе. Иллюминация и фейерверк! Вот небось радости-то!

— Меняю всё это сверкание на одну муху! Третий день из-за этой иллюминации комаришки во рту не было. Паутина отсырела. Сети рвутся. Сам окоченел. Ещё день так поспрадную и готово: закрою все восемь своих глаз, все восемь ног протяну!

Орлёнок и Воробьёнок

— Ах, Орлёнок, у тебя родители кто?

— У меня папа с мамой орлы!

— Вот счастливый. А у меня папа с мамой обыкновенные воробьи...

— Не завидуй мне, Воробьёнок. Твои воробьи с утра до вечера тебя кормят, а мои орлы меня — только утром да вечером.

Филин и Соловей

— Не бойся меня, Соловей, я не проглотить тебя собираюсь, я тебе песенку хочу спеть! Май в лесу, все песни поют...

— Спой, Филин, спой — раз уж так разохотился.

— Пу-гу-гу-гу! Бу-бу! Пу-гу-гу! Бу-бу!

— Ой, ой!..

— Ну вот — и этот сознание потерял! Поэтому уже пою, и все в обморок падают. До чего же у меня голос чувствительный, так за сердце и берёт! Пу-гу-гу-гу! Бу-бу!

Рябчик и Соловей

— Люблю я весенние цветы, Соловей!

— И я люблю, — такие они красивые!

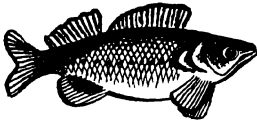
— Да нет, Соловей, не то.

— Такие они ароматные!

— Да нет, не то.

— Так что ж, коли не то?

— Вкусные они, Соловей, очень! Особенно незабудки. Незабываемый вкус!

Сердитые голоса

ЛЯГУШКА. Жалуюсь на рогаточников! Бродят они весной по берегам болот — носа из воды высунуть не дадут! А у нас, лягушек, весной самый концертный сезон. Нам песни петь надо, нам не высываться нельзя. Объясните им это кто-нибудь. Сами-то мы объяснять не можем, сами-то мы только квакать умеем.

МУРАВЕЙ. Мы, муравьи, такие крохотные, что самая маленькая хвоинка для нас все равно, что для вас большое бревно. Из тысяч и тысяч брёвен-хвоинок сложены наши дома-муравейники. Для вас ничего не стоит пнуть муравейник ногой, а для нас — начинать всё сначала! Для вас это забава, а для нас беда! Опять починка, опять ремонт! А тут тебе дождик, а тут тебе ветер. Уважайте хоть наш труд: ведь тысячи тысяч хвоинок, и каждая как бревно!

РЫБА. Сейчас мы, речные рыбы, идём из больших холодных рек в тёплые мелкие речки. И вот кто-то на нашем пути строит заборы-заколы. Посредине воротца, а в воротцах — сеть. Мы идём, идём — да всё в сеть и в сеть! А оттуда нам одна дорога — на сковородку! Нельзя нас так ловить, ведь мы же икру идём метать. Переловите всех — что потом делать станете?

РАССКАЗЫ ЗАВИРУШКИНА

Хитрые птицы

(Рассказ-загадка)

В лесу сейчас горячая строительная пора: птицы строят гнёзда. Знаю, знаю — вы не раз сами находили гнёзда птиц. Знаю, что вы знаете, где птицам положено гнёзда вить: в дуплах, на земле, на деревьях, в кустах. Только всё это раньше было. А теперь, в век машин, всё изменилось!

Раньше всё было просто: птенцы сидели в гнезде, а их бедные родители, не шадя крыльев своих, носились в поисках корма. Работали от зари до зари, по 17, 19 и 20 часов в день. Стрижи, например, за день налётывали до тысячи километров!

Теперь всё не так! Теперь хитрые птицы стали использовать технику. Механизировали, так сказать, свой нелёгкий труд. Да, да! Парочка птичек прошлое лето свила гнезда на... автомашине! Шофёр носится стрелой по дорогам, а они на ходу ловят мух для птенцов. И это ещё что: я видел птичье гнездо на... паровозе! Поезд мчится по рельсам — птицы едут на нём, как пассажиры первого класса. Поезд останавливается на станции — птицы летят на охоту. Выловят самых больших и вкусных мух — и дальше. Звонко, гудок — поехали! Без опоздания. Птенцы сытые, спят, родители носики чистят. Пейзажами с крыши любуются.

А одна парочка приспособила под гнездо...

пароход. Пароход в море — они на мачтах. Сидят, посвистывают. Пароход к пристани — они на берег, мух ловить. А уж птенцы довольны — так из гнезда и глазуют! Морьяками растут: по морям, по волнам, нынче здесь — завтра там!

Вот стали какие! А вы говорите, дупло, кусты, деревья. Это уже устарело. Того и гляди, на самолётах вить гнезда начнут, а то и на ракетах. Во как! Верьте мне, я-то уж знаю! А если не верит кто — пусть напишет.

ОТВЕТЫ

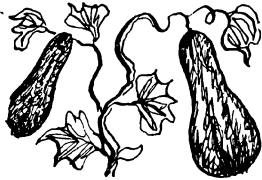

Рис. 1

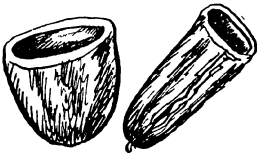

Рис. 2

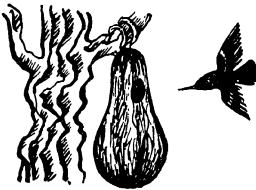

Рис. 3

Рис. 4

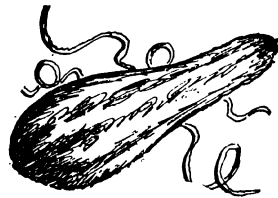

В апреле Завирушкин рассказал нам про удивительный свой огород, в котором будто бы росли на грядках... миски, чашки, кувшины, даже скворечники и мочалки! Помните, он ещё и рисунок показывал.

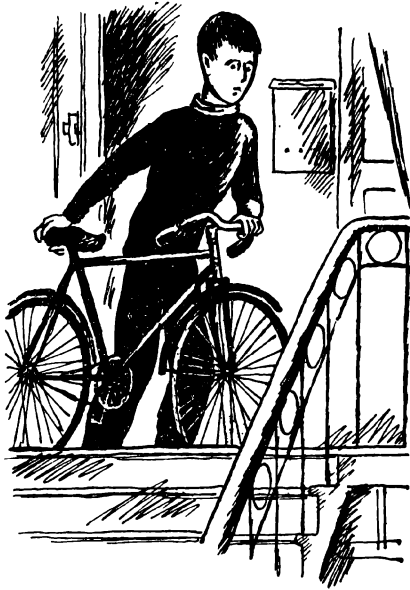
Ну, конечно, большинство ребят ему не поверили. И напрасно! Завирушкин рассказал чистую правду. Бывают такие огороды. По-настоящему, на грядках вырастают не медные кувшины, не железные миски, не глиняные чашки. И, конечно, не готовые деревянные скворечники. И всё же. Растёт у нас на юге особый сорт тыквы — лагенария. Кожира у нее очень плотная, а форма — самая разная. Но чаще всего вот такая (рис. 1). Правда, очень похожа эта тыква на кувшин или графин? Тыкву сушат, ссохшуюся мякоть и семена выбрасывают, и получается настоящий крепкий кувшин. А если такую

тыкву разрезать пополам — получится чашка и миска (рис. 2). В таких кувшинах, чашках и мисках хранят фасоль, крупу, горох, ставят еду для уток и кур. А вот из такой тыквы устраивают скворечник (рис. 3). Прорезают сверху дырку, вынимают через нее мякоть и семена, и вешают тыкву на дерево. Скворцы, воробьи, мухоловки очень охотно поселяются в таких дуплянках, выращенных на грядке в огороде.

Ну а как же мочалки? Очень просто: мочалки растут на огороде сами по себе, без всяких хитростей, самые настоящие. Есть такое растение из породы вьюнковых, его часто заводят на огородах на нашем юге. На нём и вырастают мочалки, те самые, что продаются в бане. Только на кустах они зелёные (рис. 4). Их надо сорвать, высушить, размять в руках и промыть. Только и всего.

Вячеслав ПЕТРОВ

Голубые велосипеды

Рисунки А. Курушина

Я ОПЯТЬ видел голубые велосипеды. Они сами выезжали из магазина. Велосипеды без велосипедистов. Хрустели цепи. Крутились педали. Бежали друг за дружкой спицы в колёсах. Велосипеды ехали и ехали по мокрым улицам пустого города, освещённого утренним солнцем. Новые голубые велосипеды...

— Велосипед мы тебе купим, — сказал папа. — Но вот твоя тройка по математике... — Он поморщился. — Она портит всё дело. Ты же понимаешь, что маму так просто не убедишь. Будет пять — будет велосипед, и весь разговор.

— Ты-то знаешь, что я любую задачку решаю запросто, знаешь? — спрашиваю я.

— Вот тут-то и зарыта та самая собака, — вздохнул папа. — Почему же тогда на контрольных ты хватаешь двойки? — Он смотрит на меня внимательно.

Я молчу. И смотрю в стенку. Я ничего не говорю. Я только вижу на стене портрет Омари Пхакадзе — знаменитого велогонщика.

Папа продолжает рассуждать:

— Почти год ты из четверти в четверть получаешь по математике тройку. В старой школе у тебя были одни пятёрки, а в этой почему-то тройки. Может, к тебе учительница придирается? Нет? Чудесно. Ты завоёвываешь в математическом турнире первое место, а как контрольная в классе, —

у тебя неизменный лебедь. Почему?

Я молчу. Я знаю, что никогда не выдам своей тайны. Никогда. Никто о ней не узнает...

Всё началось давно. В тот день, когда я с Валеркой Грубиным, нашим соседом, попал на велосипедные гонки. У Валерки был лишний билет, вот он и предложил мне пойти. Я согласился.

Я и не знал, что можно «болеть» на гонках. На футболе — понятно. А тут... Я совсем не ожидал, что гонки могут быть такими захватывающими.

Сначала они мне не нравились. Старт дали, а велосипедисты и не двигаются. Сидят себе на велосипедах, передними колёсами виляют и с места не двигаются, а только косятся друг на друга.

— Чего это они? — спросил я Валерку.

— Тактика, — коротко ответил он. — Выжидают. Первому идти всегда труднее.

Пока он отвечал, гонщики наконец сорвались. Как будто их выпулили из невидимой рогатки. Сначала они мчались разноцветной ленточкой по самому низу трека, а потом на поворотах стали разлетаться, обгонять, отставать, скользить вниз. И опять взлетать. И всё на такой скорости, что я даже сощурил глаза, чтобы лучше следить.

А что делали люди вокруг! Они кричали: «Жми!», махали руками, газетами, кепками, топали ногами, свистели, прыгали, обнимались. Я не заметил,

как и сам стал «болеть»; даже осип и кричал каким-то дурацким, простуженным голосом.

После этого дня я решил стать гонщиком.

В велосипедной секции тренер сразу спросил:

— А машина у тебя есть?

Я очень хотел заниматься, но у меня пока ещё не было машины. И я не сказал «нет», а сказал «да». Мама и папа обещали мне купить велосипед с ближайшей полочки. Поэтому я так и ответил.

— Через три дня приходи с ней на стадион, — сказал тренер. — Я посмотрю, как ты крутишь.

Где же мне взять велосипед через три дня? Где? Ведь полочка у папы с мамой на заводе только через девять дней. И лишь через девять дней у меня будет велосипед.

— А позже нельзя? — спрашиваю я тренера.

— Нет. Группа почти скомплектована. Не придёшь через три дня — будешь ждать следующего приёма.

Что же делать? В классе велосипеды есть у двоих. У Вальки Шевелёвой и спрашивать нечего — у неё девчоночный. А Венька Горбик не даст. Он жмот. А может, у новенького есть? У Жефарского?

На другой день я ему говорю:

— Ты чего один сидишь? Давай ко мне. У меня окно. Смотреть можно, когда урок ерундовый.

Жефарский покраснел. Но собрал книжки, взял портфель

и ещё какую-то чёрную папку с длинными шнурами.

— А это что? — спросил я.

— Ноты, — ответил он и снова покраснел.

— Ты поёшь?

— Нет. Я занимаюсь в музыкальной школе. На пианино.

— Это хорошо, — говорю я. — Наверно, ты как тот высокий американец хочешь быть, да?

— Нет, — тихо ответил он. — Клиберн пианист, а я хочу стать композитором.

Я решил засмеяться. Но передумал. Жефарский был худой, с большой головой и большими ушами. Руки у него были тонкие и длинные. Он совсем был не похож на композитора. Я видел их портреты в классе для пения. Они все бородатые, хмурые: Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков. Но, может, и они раньше были такими, как Жефарский?

— У тебя велосипеда, случайно, нет? — спрашиваю я.

— Случайно есть. — Он улыбнулся и посмотрел на меня.

— Правда?! — заорал я.

— Язев! Ты где находишься? — строго спросила учительница по русскому, которая вошла уже на урок.

— Нечаянно, Антонина Ивановна. Так получилось. Извините, — стал оправдываться я.

Когда она сделала перекличку, я опять спросил:

— А ты катаешься на нём?

— Редко, — ответил Жефарский. — Только в музы-

кальную школу. Папа говорит, что мне это полезно.

Но я уже не слушал его. Я понял, что мне здорово-здорово повезло.

На третьем уроке была контрольная. Я быстро переписал с доски условие задачи и начал решать. Жефарский громко вздохнул. Я посмотрел на него. Он думал и смотрел в окно. И даже не переписал свою задачку.

— Ты чего не решаешь? — прошептал я.

— Ах да! — Он странно улыбнулся.

Вот, чудак! Мечтает себе, а про контрольную забыл.

Потом он мне шепчет:

— Ты знаешь, Витя, мне не хочется решать.

Я вытаращил глаза. Я подумал, что он шутит, но он и не собирался. Сидит себе и смотрит в окно. И я сообразил, что ему просто никак не решить задачу, вот поэтому он и смотрит в окно. Я глянул на учительницу. Она проверяла тетрадки другого класса. Тогда я быстро поменял наши. Свою — ему, а его — себе. Так, на всякий случай. Он даже не обратил внимания. Уставился в окно и всё. Задача у него была чепуховая. Я быстро решил её на промокашке. И обратно поменял тетради, пихнул его ногой и показал глазами на промокашку. И стал решать свою. А когда дошёл до середины: нудно провизжал звонок.

— Вот не повезло! — сказал я. — Совсем немного оста-

лось. Я уже и ответ в уме знаю.

— Не нужно было мою решать, Витя, — проговорил Жефарский.

— Брось ты.

Вот так я получил свою первую двойку. Случайно, но получил.

Оська Жефарский оказался человеком. Он каждый день давал мне велосипед. Сам уходил играть на пианино, а я гонял всё это время по улицам.

Оська был ещё и комик. Он хватал двойки, а через некоторое время пятерки. Он учился, как ему нравилось. Часто на уроках он думал о музыке, а про всё другое забывал. Сначала учителя ругали его, а потом, когда им такая непонятная история надоела, оставили Оську в покое. Меня за двойку на контрольных тоже вызывали на педсовет. Выручил наш физрук. Он сказал, что я единственный человек, который держит марку нашей школы по велосипедному спорту. Учителя заулыбались и посоветовали мне относиться к математике серьезнее. Я, конечно, обещал. А что толку!

Я продолжал ему решать задачки. За диктовки он получал двойки сам. Тут уж я выручить его не мог. Но чем я ещё мог отблагодарить Оську за то, что он давал мне на тренировки свою машину? Чем?

Ведь если бы не его велосипед — прощай секция, тренировки, будущие гонки и всё такое.

Один раз на диктанте я заглянул Оське в тетрадь. Вместо предложения: «Она многое ясно видела, многое занимало её, и ничто не удовлетворяло её вполне», — он выводил какие-то точки с хвостиками и загогулинами.

— Ты что делаешь? — зашипел я от удивления.

— Тише, Витя. Тише. Это музыка, Витя. Не мешай, пожалуйста. — И он стал водить большой головой, шевелить губами, морщиться.

За диктант Жефарский получил кол и запись в дневник. Но когда на вечере школьной самодеятельности он проиграл свой «диктант», то его раз десять заставили повторять.

Я был рад за Оську. Он доказал. А я ещё нет. Но ничего,

Вот выиграю соревнование на первенство школ города, тогда и обо мне заговорят. И может, в газете напишут. Это точно. Тренер в секции теперь не отходит от меня, а заставляет гонять и отрабатывать технику старта почём зря! А там мне выдадут гоночную машину. И всё будет нормально. Пускай мама не покупает. Я и так докажу.

СКОРО должны были начаться соревнования. Мои первые соревнования. Я уже получил форму и теперь ходил в школу в красной шапочке с задранными вверх козырьком. Я был рад. Я волновался. Я ждал этого дня.

Иду, говорю про всё это Оське, а он как будто не слушает меня.

— Э! Оська! — Дёрнул я его за плечо. — Ты что, зазнул?

— Да, нет, — отвечает он и пощипывает так медленно-медленно кончик своего носа.

Не знаю почему, но я немного испугался. Я даже сжался весь. Мне показалось, что сейчас должно произойти что-то важное. Так и вышло.

— Слушай, Витя, — начал он, — а зачем ты мне решаешь контрольные? Я разве прошу тебя?

«Прощай, велосипед», — сказал я сам себе.

— Я ведь могу и сам их решать, — продолжал Оська. — Смотря какое у меня настроение. И дома меня за двойки

не ругают. Папа привык. Он знает, что они случайные.

Я ждал этого разговора. Ждал и боялся. И вот он начался. И может решить всё.

— Папа меня тоже понимает. А вот мама нет, — говорю я и не смотрю на Оську. — А я хочу стать гонщиком. Мне нужно всё время тренироваться. Каждый день. А мама одно твердит: «Будет пятёрка по математике — будет велосипед». Разве это справедливо?

— Я как-то про это не подумал. Значит, ты решаешь мне задачи только за то, чтобы получить от меня велосипед? — Он остановился и ткнул меня своим узким, как карандаш, пальцем в грудь.

— Да, — признался я. — Ты не обижайся, Оська.

— Я думал, что ты решаешь ради интереса, а ты... — Он не договорил, махнул рукой и отвернулся.

— Я же хотел по-честному! Ты — мне, я — тебе.

Оська молчал. Потом грустно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Завтра я пересяду...

— Нет! — крикнул я. — Ты никуда не пересядешь!

— Пересяду, — мотнул он головой и побежал к своему дому.

На другой день Оськи не было в школе. И как раз была контрольная. Я сидел и думал. Нет, не над задачкой. Я думал, почему не пришёл Жефарский. Если он заболел — не так страшно. А что если решил он перейти в другую

школу? Из-за меня. После вчерашнего разговора. У меня упала ручка и громко щёлкнула об пол. Она так сильно стукнулась, что я вздрогнул и посмотрел на учительницу, а она на меня.

— Ты уже решил, Язев? — спросила учительница.

— Нет.

— Не получается? — Она подошла ко мне и села рядом за парту. — Тогда давай вместе разберёмся.

— Чего тут разбираться? — пробурчал я и посмотрел на доску.

Я думал минут пять, а может, чуть больше и написал ответ на промокашке.

— Такой? — спросил я.

— Разумеется, — ответила она и очень внимательно посмотрела на меня.

После уроков я пошёл к Жефарскому. Он сам открыл дверь.

— Ты что, заболел?

— Нет, — улыбнулся он. — Но ведь сегодня была контрольная. Правда?

— Правда! — крикнул я и стал быстро спускаться по лестнице.

— Витя, а велосипед?! — крикнул он, ничего не понимая.

— Не надо мне твоего велосипеда! Понимаешь, не надо! Мне купили! И можешь завтра пересаживаться! Мне теперь всё равно! — кричал я и плакал.

Я долго ходил по улицам и пришёл домой поздно.

— Виктор, зайди ко мне, — позвал папа из своей комнаты.

Я вошел.

— Была твоя учительница по математике. Улавливаешь? Чудесно. И сказала, что ты решил контрольную на пять. Но сегодня, — папа выделил это слово, — ты сидел один. Без Жефарского. Вывод: ты ему чем-то обязан? — Папа смотрел на меня пристально, и от его взгляда у меня, как от яркого света, зарезало глаза.

— Обязан, — вырвалось у меня.

— Чем?

Я крепился. Я и так уже выдал Оську. Нечаянно, но выдал.

— Тогда он скверный человек, если так использует вашу дружбу.

Такой несправедливости я стерпеть не мог.

— Ты ничего не знаешь, папа! Ничего! Оська замечательный человек. И никакой не скверный. Он специально не пришёл сегодня в школу. Нарочно. Чтобы я остался один. И пересесть он от меня хочет. Вот. И вообще, ему не нужны мои решения. Это всё я. Я виноват во всём...

— Тогда извини, — смутился папа. — Я думал, что у вас всё иначе. Извини.

— Если бы не его велосипед, то я никогда бы не принял участия в гонках. — Я повернулся и ушёл в свою комнату.

Минут через пять я услышал покашливание папы.

— Вот что, Виктор, — негромко заговорил он. — Мы с мамой давно отложили деньги

на велосипед. Завтра мы пойдём с тобой и купим. — Он хлопал меня по плечу и вышел.

А я прислонился лбом к стеклу. И опять увидел голубые велосипеды. Они катились

длинной-длинной цепочкой под совсем невесёлую музыку. Потом улица стала пустой и только светили белые, круглые фонари. А посередине улицы шёл одинокий Оська.

Семён КОГАН

Песенка о старом профессоре

*Жил старый профессор
В квартире своей.
Профессор лечил
От простуды людей.
Он сладкие капли
Ребятам давал.
Давал и при этом
Всегда напевал:*

*«Учите, ребята:
Чтоб вам не болеть,
Старайтесь почаще*

*Смеяться и петь.
Весёлая песня,
Улыбка и смех,
Учите, ребята,
Полезны для всех».*

*Однажды профессор
Продрог и охрип.
Диагноз поставлен:
Ангина и грипп.
Наш старый профессор
В кровати лежал.
Лежал, улыбался
И так напевал:*

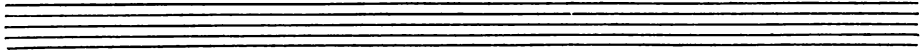
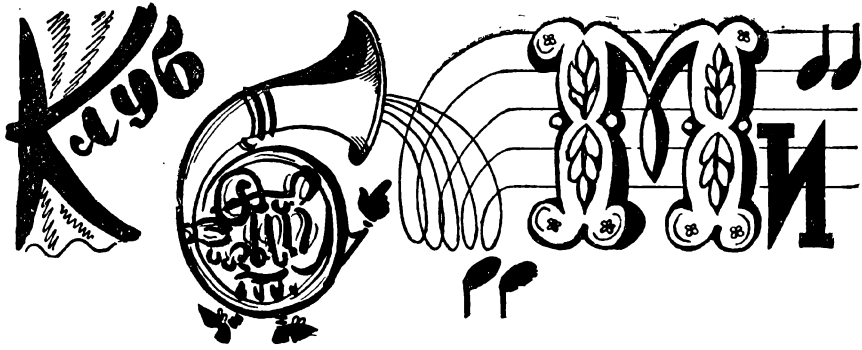
*«Учите, профессор:
Чтоб вам не болеть,
Старайтесь почаще
Смеяться и петь.
Весёлая песня,
Улыбка и смех,
Учите, профессор,*

*Полезны для всех».
И снова профессор
Спешит к малышам.
Быть может, он завтра
Заглянет и к вам.
Он в комнату вашу
Тихонько войдёт,
К больному подсядет
И тихо споёт:*

*«Учите, приятель:
Чтоб вам не болеть,
Старайтесь почаще
Смеяться и петь.
Весёлая песня,
Улыбка и смех,
Учите, приятель,
Полезны для всех».*

Рис. А. Курушина

ПЯТОЕ

Пятое заседание клуба «Ми» состоялось после очередного концерта. Кстати, концерт, — это не только музыкальное представление, но и название большого произведения в нескольких частях. Исполняет его обычно музыкант-солист в сопровождении оркестра. На этот раз героиней концерта и «Концерта» была Русская Скрипка. Она родилась в России и была создана из русского дерева.

И звучало в этот вечер русское произведение. О, как пела Скрипка!.. Да что там рассказывать. Музыку слушать нужно. Запишите себе «Концерт для скрипки с оркестром» Петра Ильича Чайковского. Как увидите сообщение об этом концерте на афишах, немедленно со всех ног бегом в Филармонию слушать эту необыкновенную музыку!..

После концерта инструменты поздравляли Русскую Скрипку, а она, счастливая и утомлённая, благода-

рила весь оркестр за дружную поддержку во время концерта (или, как говорят музыканты, аккомпанемент).

— Подумать только, — изумлённо сказала Итальянская Скрипка, — лет сто — сто пятьдесят назад, когда в Италии и во Франции блистали знаменитые

скрипачи и творили замечательные мастера, в России не было ни одного знаменитого на всю Европу скрипача или скрипичного мастера. А сейчас...

— Да, — задумчиво ответила Русская Скрипка, — в списках мировых знаменитостей прошлого немного русских имён. Но звучали скрипки в руках русских музыкантов и сто и двести лет назад. Имена забываются, но искусство остаётся. А замечательные музыканты и мастера в России всегда были. Вспомним знаменитого скрипача, гитариста, балалаечника, дирижёра и композитора Ивана Евстафьевича Хандошкина.

Его называют иногда «русским Паганини», а ведь он родился на тридцать пять лет раньше великого итальянца.

— Совершенно согласен с вами, коллега, — заметил глуховатым голосом Альт. — Я тоже родился в России сто сорок лет назад в мастерской замечательного мастера Ивана Андреевича Батова. Мне приходилось играть во многих оркестрах. Я уж не говорю о музыкантах, но какие превосходные инструменты русского происхождения были в руках у этих талантливых людей.

— Я, конечно, вас уважаю и верю вам, — заметила Итальянская Скрипка. — Но, согласитесь, довольно странно, что именно русских инструментов сейчас сохранилось так мало. В руках у выдающихся артистов — «итальянцы», «французы», «немцы».

— Вы в этом убеждены? — спросил Альт.

— А разве по этому поводу могут возникнуть какие-либо сомнения? — удивилась Итальянская Скрипка. — Ведь на каждой скрипке есть этикетка, своеобразный паспорт инструмента. А я привыкла верить документам.

— Придётся мне нарушить вашу веру в этикетки, — заметил Альт. — Если уважаемые коллеги мне позволят, я расскажу историю, связанную с именем Ивана Андреевича Батова. Я сам был свидетелем происшедшего. Кстати, в мастерской Батова я находился без дела около десяти лет. Ни один музыкант не хотел взять меня из-за русской этикетки... Но всё по порядку... Разрешите?

— Конечно... Просим... Вы нас заинтересовали... — раздались голоса.

И Русский Альт, который и голосом и внешним своим видом походил на скрипку, спокойно начал свой рассказ.

РАССКАЗ

Этот день мало чем отличался от предыдущих. У Батова даже не дрогнуло сердце, когда в его руках оказалась бумага, которую он ожидал всю жизнь. Вольная за подписью графа Шереметьева и красная графская печать на ней. Лишь когда граф подавал ему бумагу и сказал небрежно, любуясь своим великодушием, что отпускает Батова без выкупа, Батов едва не вспыхнул. Сорок лет усердной работы на графа Шереметьева-старшего, десятки первоклассных инструментов, за которые отец этого сытого господина не платил мастеру ни копейки, а сам, не стыдясь, продавал за баснословные деньги, заставляя Батова наклеивать на деку ярлык «Сделано в Италии»... — сколько скрипок с такими ярлыками разо-

шло по России и уплыло за границу! Это ли не цена за унижительную бумагу?! Семейство Шереметьевых на одних лишь инструментах Батова нажило такую сумму, что мастеру на две жизни хватило бы. А он портил глаза в полутёмной каморке и тратил бог знает сколько сил, чтобы достать приличный кусок дерева на очередной инструмент.

Батов вспомнил, как вскоре после победной войны с французами он преподнёс Александру I скрипку, сделав её из отечественного дерева (как, впрочем, и все другие свои инструменты). Говорят, красавец император был в восторге и передал через графа Шереметьева крепостному Ивану Батову две тысячи рублей серебром. Оборудовал тогда ма-

стер на царские деньги мастерскую и немного радостнее жить стало, хоть продолжал ходить в графских холопьях. И вот наконец — вольная. Преподнёс Батов графу Шереметьеву прекрасную виолончель, и растрогался граф: дал «в обмен» на инструмент бумагу с подписью да печатью. То ли так высоко оценил работу Батова, то ли низко стал ценить престарелого мастера, но как бы там ни было, четырёхструнная певунья — цена свободы Ивана Батова.

Так устал ждать этого дня мастер, что, получая бумагу, не почувствовал не только благодарности, но и раздражение даже ощутил некоторое. Было ему пятьдесят пять лет, и усталый, постаревший, он, видно, не нужен был больше графу. Потому и вышла вольная от Шереметьева...

Молчаливый и задумчивый вернулся Батов к себе в мастерскую. Свобода... Что она даст престарелому мастеру? Ну, скажем, все созданные инструменты он не станет отдавать в графский оркестр, а сможет продавать. Итак, свобода принесёт ему деньги. Но на что они? Хорошее дерево для работы трудно лишь отыскать, а стоит оно пустяк. Да и искать теперь легче — хоть в Сибирь поезжай. Лаки, смолы? — Этого добра хватает. Было бы уменье. Значит,

не деньги главное. Что же ещё может дать свобода? Ага, можно вообще бросить скрипичное ремесло и заняться чем-нибудь другим на старости лет. Батов усмехнулся: тогда лучше назад в неволю.

Он сел у верстака, облокотившись на него всем телом, и стал глядеть в окно на Сенную площадь. Ходят по площади люди, друг друга не замечают, у каждого от забот голова большая... Вот хромой солдат. При каждом шаге вспрыгивают кресты и медали на груди — в кампании 1812 года заслужил. Десять лет всего прошло, а глядь, — посторонился, едва отскочить успел, пропуская разукрашенную коляску с иностранными вензелями. А в коляске не то француз, не то итальянец даже взглядом не повёл в сторону солдата. Опять в России как дома чувствуют себя эти господа с чужой речью. Однако...

Коляска остановилась прямо под окнами мастерской, и здоровенный лакей, спрыгнув с запяток, заботливо и привычно помог своему господину выйти из коляски. Не нужно было отличаться особой догадливостью, чтобы понять, куда направляется господин: под мышкой он нёс коричневый футляр из тиснёной кожи. Пoblёскивали золотые замки, а с крышки скрипичного футляра пу-

скал во все стороны солнечные зайчики начищенный графский герб. Видно, дорогой был инструмент, если господин нёс его сам, не доверяя слуге.

Батов быстро оглядел мастерскую — как всегда чисто, ни пылинок, словно не мастерская, а храм божий. Оно и понятно — в мастерской принимал Батов своих заказчиков, а среди аккуратности и люди друг к другу аккуратней относятся.

Дверь распахнулась без стука. Батов поднялся навстречу посетителю.

— Передо мной мастер Батов? — спросил тот, довольно сносно выговаривая русские слова с акцентом, который выдавал в нём немца.

Батов поклонился:

— Чем могу служить, сударь?

Немец не ответил. Он откровенно разглядывал Батова, затем перевёл взгляд и стал осматривать мастерскую. Не спросив разрешения, он подошёл к скрипке, висевшей в углу, где обычно в русских домах висят иконы, и, не выпуская своего футляра, свободной рукой повернул скрипку нижней декой к себе.

— Ваша работа? — спросил он Батова.

— Моя.

— Красивая скрипка. Её звук так же хорош, как и внешность?

Батов снял скрипку, взял смычок и сыграл несколько звучных аккордов. Немец удовлетворённо покачал головой. Скрипка звучала мягко и насыщенно. Звук её несколько напоминал звучание кременских скрипок, но был теплее и задушевней.

Немец положил свой футляр и потянулся за скрипкой. Жест был уверенный, спокойный, и Батов отдал ему инструмент. Немец сунул скрипку под подбородок и заиграл. Играл он не как любитель, а как настоящий артист. Его немолодое лицо сразу преобразилось, утратив высокомерное выражение...

— Хороший инструмент, — похвалил он, опустив скрипку. — Но, конечно, с моим его не сравнишь.

Щёлкнули золотые замки, и немец раскрыл футляр. Одного взгляда Батову было достаточно, чтобы

определить — инструмент немецкой работы.

— К сожалению, скрипка нуждается в ремонте, — продолжал между тем гость Батова. — Лишь починив её, вы убедитесь, что она превосходит вашу скрипку по звучанию. Если мой заказ будет выполнен хорошо, я принесу вам ещё один инструмент работы итальянского мастера. Когда я могу рассчитывать на выполнение заказа?

Батов осмотрел инструмент. «Эк он его разделал! С балкона уронил, что ли. Нижнюю деку по щепочке собирать придётся. А попробуй теперь сделать плохо, коли он сказал, что эта скрипка звучит лучше моей. Отказаться, что ли?.. Нет, нехорошо. Подумает, что испугался».

— Пожалуй, дня через три сделаю, — ответил он...

Через три дня точно в то же время немец пожаловал в мастерскую. Едва зайдя, он сразу потянулся к скрипке, которая лежала на столе, ожидая хозяина, повернул нижней декой к свету и ахнул.

— Вы гранд мастер! Величайший мастер! Я не вижу ни единого шва. Как вы сумели так аккуратно склеить деку?

— Да я просто новую поставил, — ничуть не смущаясь ответил Батов.

Немец поспешно схватил смычок и настроил скрипку. Взял несколько аккордов, потом ещё. Увлечшись, играл минут пять.

— Вы шутите! — воскликнул он, опуская смычок. — Скрипка звучит лучше, чем прежде.

Он снова взгляделся в деку.

— Это дека от моей скрипки. Я видел её больше раз, чем своё лицо в зеркале. Невозможно так точно воспроизвести цвет и рисунок дерева.

Батов пожал плечами и протянул немцу деку от его скрипки, склеенную во многих местах. Немец схватил её и стал сравнивать с новой. Разумеется, отличия были — ведь двух одинаковых деревьев не бывает. Но деки были похожи, как родные сёстры. Немец снова взял

смычок и стал играть, основательно проверяя звучание инструмента. Наконец он отложил смычок и лукаво глянул на Батова.

— Вот теперь моя скрипка звучит действительно лучше вашей. — И он кивнул в сторону скрипки, висевшей в углу. — Впрочем, сейчас, после столь тонкого и кропотливого труда, правильной было бы сказать, что обе скрипки вашей работы. Признаться, я ввёл вас в заблуждение. До ремонта мой «немец» звучал хуже вашего «русского». Что ж, теперь я могу спокойно доверить вам этот инструмент.

Он положил уже знакомый Батову футляр на стол. На этот раз он не спешил открыть его.

— Ваша слава замечательного реставратора, — сказал он, — далеко отстала от действительности. Вы делаете чудеса. Но всё же прошу вас, с инструментом, который я вам доверяю, будьте очень осторожны. Я случайно приобрёл его, когда родственники умершего коллекционера распродавали коллекцию скрипок. Скрипка — итальянского мастера. Я специально предпринял путешествие в Италию, чтобы встретиться с этим мастером и заказать ему ещё несколько инструментов. Но какая-то загадка: никто не знает, где живёт этот великий мастер. Три месяца я потратил на поиски, но, увы, не нашёл даже следа. Работы этого итальянца большая редкость. Не хотел бы вас обижать, но такие скрипки в России и через сто лет не научатся делать.

С этими словами он открыл футляр. Батов с любопытством глянул на редкостный инструмент и внезапно рассмеялся. Покачивая головой, он заглянул в прорезь эфы, чтобы прочитать этикетку. «Сделано в Италии. 1800 год. Джованно Батини из Брешии».

— Что вас рассмешило? — удивлённо и чуть обиженно спросил немец. — Или вы даже не слушая можете определить качество инструмента? И что же? Он вам не нравится? Вы считаете, что в России делают лучше?

— Сударь, вы утверждаете, что загадочного Джованно Батини не видел ни один из тех, у кого вы спрашивали?

— Да. Даже владельцы инструментов его работы ни разу не встречались с мастером.

— А вы ничего не слышали о французском мастере по имени Жан Бато?

— Слышал, конечно. В моей коллекции есть изумительная скрипка его работы... Гм, странное совпадение... Этому мастеру я тоже хотел заказать инструмент, но не мог его разыскать.

— Ну уж один человек, владеющий инструментами этого мастера, видел его, поручусь.

— Кто же?

— Вы, — смеясь сказал Батов.

Он вынул из ящика пачку этикеток и разбросал по столу. На этикетках было написано:

«Эту скрипку сделал в... году мастер Жан Бато из Руана».

«Эту скрипку сделал в... году мастер Джованно Батини из Брешии».

«Эту скрипку сделал в... году мастер Иван Батов в городе С.-Петербурге».

Немец изумлённо поглядывал то на этикетки, то на самого Батова-Бато-Батини.

— Так это!..

— Ваш покорный слуга, — поклонился Батов.

— Но что заставляет вас скрывать ваше подлинное имя? Такими инструментами вы могли бы прославить не только себя, но и искусство России!

— Увы, сударь, часто ярлык ценят больше скрипки. За плохонького «итальянца» платят вдвое дороже, нежели за первоклассную русскую скрипку. Вот и приходилось на девять из десяти скрипок чужой ярлык ставить.

— Но ваша гордость мастера!.. Неужели вам не обидно?

— Пятьдесят лет у меня не было ничего своего, — горько сказал Батов. — Даже имя, как видите, чужое. Не русское. А ведь все свои ин-

струменты я строил только из русского дерева. Ничего в них нет ни французского, ни итальянского.

— Я поражён, — сказал немец. — Я много езжу и постараюсь, чтобы о вас узнали все, кому дорого искусство. Вам больше не придётся скрывать ваше настоящее имя. И французы, и немцы, и итальянцы будут знать Ивана Батова.

— Ах, сударь, — ответил Батов вздыхая, — я, грешный, всё жду, пока Ивана Батова русские узнают.

— Что ж, — заметила Итальянская Скрипка, — этот рассказ, уважаемый Альт, многое мне разъяснил. Значит, в России действительно были великолепные мастера. Ведь и Иван Андреевич Батов у кого-то учился. Да и сам, наверное, учил.

— Скрипка вообще была довольно популярна в России, — сказал Альт. — Уже со времён Петра I к ней относились вполне серьёзно, и даже дворянская знать считала, что этот инструмент достоин развлекать не только «чернь».

— А кстати, Петр III, — вставила Русская Скрипка, — собирал ста-

ринные скрипки. У него была превосходная коллекция.

— Хорошо, вы меня убедили, — сказала Итальянская Скрипка. — Но ведь это был рассказ о мастерах. А почему так мало имён русских исполнителей дошло до нас? Ведь не скрывались же они под итальянскими и французскими фамилиями.

— Вы хотите знать, почему, — ответила Русская Скрипка. — Я могу рассказать вам печальную историю...

— Не надо печальную! — крикнула жизнерадостная Труба.

— А я считаю, что надо, — пропел задумчивый Гобой.

— Надо!.. Не надо!.. Нет, надо!.. Нет, не надо! — заспорили, закричали инструменты.

— Тише! — прогудел Орган. — Я нашёл решение. Сегодня — не надо, потому что уже поздно. А в следующий раз — пожалуйста. Музыка — это жизнь. А жизнь — это не только радости и победы.

Инструменты были довольны решением председателя клуба «Ми», и заседание на этом было закрыто.

Марки пионерии

ТЫ — ПИОНЕР. А знаешь ли ты, когда впервые появился на марке паренёк с красным галстуком и с горном в руке?.. Слышал ли ты о том, что советская почта издавала не только одиночные миниатюры, а целые серии, посвящённые пионерам? Сегодня наш рассказ посвящается маркам страны Пионерии.

Впервые пионеров увидели на советских почтовых миниатюрах сорок лет назад. В Москве проходил Первый Всесоюзный пионерский слёт. Со всех концов страны прибыли в столицу ребята в красных галстуках. Многие добирались до Москвы более месяца. Это были посланцы Чукотки, Колымы, областей Крайнего Севера. Авиация в те годы ещё была слабо развита. И ребята добирались до железной дороги на оленях и собачьих упряжках, на лыжах, на плотах, наконец, на пароходах до Владивостока. Отсюда двенадцать дней они ехали в поезде через весь Дальний Восток, Сибирь, Урал...

В честь слёта были изданы две марки с одинаковыми рисунками: юный пионер трубит сбор. Впервые на почтовом знаке народ увидел красный галстук. Мало кто знал тогда волнующую историю этого отличительного символа юных ленинцев.

Надежда Константиновна Крупская предложила как-то комсомольцам придумать отличительный знак для пионеров. Пока думали, он родился сам собой. Произошло это на сборе нового пионерского отряда. Были здесь не только ребята, но и их родители. А в то далёкое время советские работницы носили на го-

ловах кумачовые косынки. И вот одна из матерей подошла к своему сыну, сняла с головы косынку и повязала её на шею взволнованному мальчишке. И сразу же все работницы, присутствовавшие на сборе, поступили точно так же. Неожиданно весь отряд оказался с красными галстуками.

На сборе выступила одна из работниц. Обращаясь к пионерам, она сказала:

— Ребята! Носите эти галстуки с честью, они такого же цвета, как знамя революции.

А вскоре красный галстук был утверждён как отличительный знак для всех пионеров нашей страны.

Позднее стали выходить в свет миниатюры и с изображением пионерского значка. Первый пионерский значок выглядел так: на алом полотнище флага выделялась эмблема советского государства — Серп и Молот. На красном фоне горели два слова пионерского девиза: «Будь готов!» А в нижней части значка изображены пять поленьев и языки полыхающего пламени.

Весной 1936 года в окошках почтовых отделений начали продавать необыкновенно красивую серию марок, целиком посвящённую юным пионерам. Миниатюр было шесть, но рисунков на них только четыре: две пары марок имели одинаковые изображения.

Эту серию и называют — «первой пионерской». История её появления очень интересна.

15 ноября 1933 года в газете «Ленинские искры» был напечатан призыв:

«Письма и газеты доставлять вовремя!»

Пионерская «лёгкая кавалерия» на помощь почте!»

Дело в том, что в работе нашей почты было много недостатков. Газета писала о жалобах, поступающих в редакцию от родителей и ребят: журналы, газеты доставляются с большим опозданием, а то и просто не поступают. Причина была не только в плохой работе почты. Как выяснилось, многие квартиры не имели номеров, почтовых ящиков, лестницы не были освещены, на конвертах адреса писались не по правилам... Эти и другие причины затрудняли работу почтальонов.

И «Ленинские искры» организовали пионерский поход помощи нашей почте.

Вначале в поход включались пионеры одного только 4-го звена 4-го отряда базы Союзфильм в Петроградском районе. Они явились в 3-е почтовое отделение, узнали, какие улицы и переулочки оно обслуживает, и приступили к работе.

Ребята разошлись по домам и дворам Гатчинской и Ораниенбаумской улиц. Выявили, что 35 лестниц по вечерам не освещаются, что более чем двести квартир не имеют номеров на дверях... Но мало выявить, пионеры пошли в домоуправления и добились, чтобы эти недостатки устранили. Потом разнесли по квартирам листочки с правильно написанными адресами, провели беседы, разъяснили, как тормозит работу почтовых неверно написанный адрес.

Не прошло и месяца, как вся ленинградская пионерия включилась в важное и очень нужное дело.

Обо всём этом узнали в народном комиссариате почт и телеграфов. Из Москвы приехали представители наркомата на съезд ленинградских пионеров. Тут они увидели, какую огромную помощь оказали ребята почте, услышали, как от всего сердца благодарили их почтальоны. Наркомат наградил несколько наиболее отличившихся отрядов и звеньев ценными премиями.

Вот тут ребята и обратились в наркомат с просьбой выпустить специальную марку о походе ленинградских пионеров. Наркомат, в свою очередь, обратился с письмом ко всем пионерам Советской страны, в котором рассказал о добрых делах молодых ленинградцев. Пионерский поход в помощь почте стал Всесоюзным.

Что касается обещания наркомата ленинградским пионерам выпустить марку, то оно было выполнено. Решено было издать не одну, а целую серию из шести миниатюр. Эскизы поручили подготовить одному из лучших наших художников — мастеров марки Василию Васильевичу Завьялову. В 1936 году эта ярко выполненная серия поступила в обращение.

На марках были запечатлены эпизоды, показывающие, как ребята помогают почте. На первых двух художник изобразил пионеров, укреплявших почтовый ящик, на двух последующих показано, как ребята предупреждают поврежде-

ния телеграфных изоляторов. Пятый рисунок представляет собой эпизод, как пионеры освобождают телефонные и телеграфные провода от запутавшегося в них бумажного змея.

А на заключительной марке мы видим девочку, отдающую пионерский салют. Эта марка, пожалуй, самая лучшая в серии; она как бы говорит: «Мы, пионеры, всегда готовы помочь во всём, что нужно для нашей Родины».

Но не только эта серия появилась по инициативе пионеров города Ленина.

Немногим более пяти лет назад вышла в свет крупноформатная, продолговатая марка с портретом советского бойца. Внизу напечатана его фамилия — русскими и латинскими буквами: Ф. А. Полетаев. Почему же в отличие от других наших почтовых знаков эту фамилию воспроизвели и латинскими буквами? Потому, что этот храбрый солдат одновременно является Героем Советского Союза и Национальным героем Итальянской республики.

Посмотрите внимательно на марку: слева вы увидите Золотую звезду Героя Советского Союза и Золотую медаль — высшую награду Италии. Только один иностранец во всем мире удостоен этой почётной награды — Фёдор Андрианович Полетаев.

Кто же он, этот герой двух народов? До войны он работал колхозным кузнецом в селе Катино Рязанской области. А на фронте был артиллеристом. В беспомощном состоянии он был захвачен в плен. Попал Фёдор после долгих мучений в лагерь, находившийся на территории Италии. Он бежал оттуда, примкнул к отряду итальян-

ских партизан и своей храбростью заслужил любовь всего отряда. Не раз он спасал товарищей от гибели. На марке и изображен один из таких боевых эпизодов.

Много раз изумлял своей отвагой итальянских друзей советский боец. Но незадолго до конца войны у местечка Канталупо, близ Генуи, 2 февраля 1945 года Фёдор Полетаев совершил свой последний подвиг. Чтобы обеспечить победу, он поднялся во весь рост и увлёл остальных партизан в решительную атаку. Фашистская пуля оборвала жизнь Полетаева.

Почему же эта марка считается пионерской? А вот почему. Одной из дружин ленинградских пионеров было присвоено славное имя Героя Советского Союза и Национального героя Италии. Пионеры этой дружины написали письмо министру связи СССР Н. Д. Псурцеву с просьбой выпустить марку, посвящённую Фёдору Полетаеву. Министр решил удовлетворить просьбу ленинградских ребят. Эскиз для неё подготовил снова художник Завьялов, только не Василий, а уже его сын Александр, также ставший мастером почтовой марки.

На советских марках увековечены десятки других выдающихся героев нашей страны. Есть среди них и портреты героев-пионеров. О некоторых из них я расскажу.

В Москве, на Красной Пресне, на пьедестале стоит с пионерским знаменем в руке бронзовый мальчик. Бронзовый мальчик на Красной Пресне — юный герой, чьё имя навсегда сохранит история советского государства, — Павлик Морозов. В 1932 году его зверски убили кулаки за то, что он крепко стоял за Советскую власть, бесстрашно разоблачал её врагов, не боясь никаких угроз и запугиваний.

В честь 14-летнего пионера Павлика Морозова сложены песни, написаны книги, сочинены пьесы. Министерство связи СССР весной 1950 года выпустило в свет две марки в память героя-пионера Павлика Морозова. На этих почтовых знаках и воспроизведен памятник, который выситя на Красной Пресне.

Лет десять назад «Пионерская правда» и Министерство связи СССР объявили Всесоюзный конкурс на лучшую марку, нарисованную ребятами. Во всех республиках, в самых отдалённых уголках маленьки художники взялись за карандаши и краски.

Вскоре в Москву, в редакцию «Пионерской правды» полетели письма. И в каждом конверте — рисунок. Жюри, которое состояло главным образом из художников, а также представителей редакции и почтовых работников, должно было рассмотреть более пяти тысяч рисунков.

Кто же победил? На марке в 10 копеек — рисунок «Дружба детей разных стран». Автор — школьница Светлана Козакова. Вторая марка — картина школьницы Лиды Носовой «Пионеры на колхозной ферме». Картина школьницы Нины Соколовой «Зимние игры детей» помещена на третьем почтовом знаке. А что же нарисовал четвёртый победитель конкурса — Дима Бархин? Его больше всего привлекло катание детей в зоопарке, что и воспроизведено на последней марке в серии, созданной руками пионеров и октябрят.

Рассказать о всех марках Пионерии нет возможности. В заключение расскажу одну историю с марками,

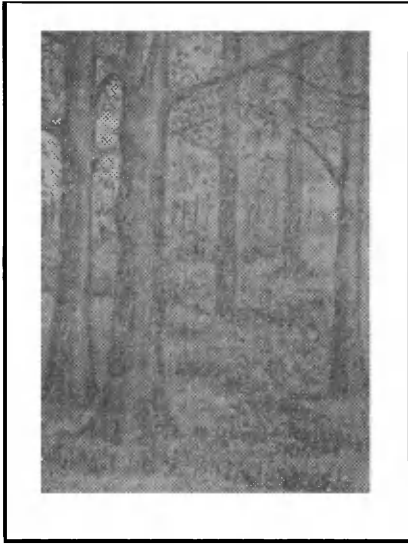

к которой причастны тысячи советских ребят.

История эта давняя. Относится она к первым годам Советской власти. Очень тяжёлое это было для нашей Родины время. К разрухе, к гражданской войне прибавился ещё один лютый враг — голод. Особенно велик был неурожай в Поволжье. Миллионы людей голодали. Правительство создало специальную комиссию помощи голодающим. Возглавил её всесоюзный староста — Михаил Иванович Калинин.

Вы, вероятно, слышали о знаменитом путешественнике, норвежце Фритьофе Нансене. Этот человек большого благородного сердца одним из первых за границей пришёл на помощь голодающим Поволжья. Всевозможными способами добывал он продовольствие и направлял его в Советскую Россию.

Однажды он обратился к товарищу Калинин с предложением: сотни тысяч людей за рубежом очень интересуются советскими почтовыми марками. Ведь это марки первой и единственной в мире страны социализма. Пусть наши люди соберут триста тысяч штемпелёванных советских марок, а в обмен Нансен обязуется прислать триста тысяч

шоколадных таблеток. За каждую марку — по шоколадке.

Михаил Иванович обратился к советским людям, в том числе и школьникам с просьбой срочно собрать марки.

В короткий срок марок было собрано больше, чем просил знаменитый норвежец. Он сдержал своё обещание. Триста тысяч шоколадок были присланы для детей Поволжья. Немного позднее обменяли на шоколад и марки, собранные сверх трёхсот тысяч.

С того времени установилась связь с заграничными филателистическими организациями, которые покупали много советских марок. На деньги, вырученные от этой продажи, покупали продовольствие. Как ни занят большими государственными делами был товарищ Калинин, всё же он находил время, чтобы следить и руководить сбором марок для заграницы, продолжавшимся несколько лет.

В конце 1925 года Михаилу Ивановичу исполнилось пятьдесят лет.

Самое тяжёлое время было уже позади. В Кремле состоялось чествование всесоюзного старосты. Пригласили на торжество и филателистов.

Когда наступила их очередь выступать, представитель советских филателистов передал товарищу Калинину очередной взнос — десять тысяч рублей золотом, вырученных от продажи марок и старых бумажных денег за рубежом.

Тут же два филателиста через весь зал пронесли большую картину. Все увидели изображение осеннего леса, падающие жёлтые листья, позолоченные лучами заходящего солнца.

«Обычный осенний пейзаж», — говорили сидевшие в зале.

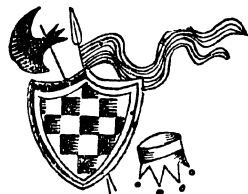
В том-то и дело, что необычный. Ни один художник не прикоснулся к этому пейзажу ни кистью, ни цветными карандашами. Картина была создана из искусно подобранных в виде мозаики многих тысяч почтовых марок.

Благодаря тому, что эти маленькие почтовые миниатюры были самых разных цветов, удалось сделать поистине удивительное произведение искусства.

В сборе марок для подарка Михаилу Ивановичу Калинину участвовали пионеры Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов. Михаил Иванович горячо благодарил филателистов, пожелал им новых успехов в их интересной и полезной работе.

Особо же благодарил он юных филателистов за участие в сборе марок для Фритьофа Нансена. Так что юные коллекционеры, собирающие марки Пионерии, по праву могут включить в неё ещё две миниатюры с портретами Михаила Ивановича Калинина и Фритьофа Нансена.

Э. МИРОНОВ

Дворцовый переворот в королевстве шашек

На шашечный трон взошёл новый король! Лавровым венком чемпиона на этот раз был увенчан не киевлянин Исер Куперман, в коллекции которого уже пять таких венков, и не дважды становившийся чемпионом москвич Вячеслав Щёголев, а двадцатипятилетний гроссмейстер из Риги Андрис Андрейко. Произошло это в итальянском городке Больцано, где Андрейко завоевал высший титул в турнире.

— Как? Титул чемпиона мира разыгрывается в турнире? — удивятся ребята, знакомые с шахматными порядками, где встреча на высшем уровне — всегда «дуэль», всегда матч один на один.

Да, у шашистов законы иные и, я бы сказал, более жёсткие.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ИСТОРИИ

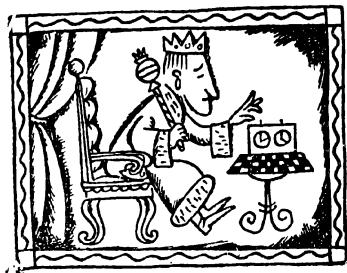
Двести пятьдесят лет существуют столеточные шашки, однако соревнования за высший титул стали проводиться лишь с конца прошлого века. С тех пор на шашечном Олимпе побывали двенадцать чемпионов мира. Не каждый из них взбирался на Олимп одинаковым путём. И вот почему.

Когда в 1894 году было проведено первое соревнование, названное первенством мира, победу в нём одержал француз Исидор Вейс, которого впоследствии именовали не иначе, как «Наполеоном шашечной доски». Этот «маленький Наполеон» получал многочисленные вызовы на матч за высший титул. Однако он регулярно отклонял их:

— Я завоевал свой титул в турнире и потерять его могу тоже только в турнире! — заявлял он.

В турнирах же Вейс долго оказывался непобедимым. Только после шестнадцати лет царствования он всё же был низвергнут. Но и каждый из шашистов, всходивших на шашечный трон после Вейса, издавал свой «указ»: одни разрешали оспаривать принадлежавший им титул только в поединке с глазу на глаз, то есть только в матче, а другие единственной формой состязания «в верхах» признавали турнир. И лишь когда была создана Всемирная федерация шашек, она взяла проведение первенств мира под свой контроль, установив новый строгий порядок: титул должен разыгрываться и в матчах и в турнирах!

Сразу же — в 1948 году — согласно выработанному Федерацией плану был проведён такой турнир. Чемпионом мира был в то время француз Пьер Гестем.

— Как вы считаете, господин Гестем, у кого наибольшие шансы занять здесь первое место? — спросил перед началом турнира какой-то корреспондент.

— Конечно, у того, кто будет играть в более лёгких условиях, у кого противники будут не такие сильные, как у других, — ответил француз.

— Но разве не у всех одинаковые противники? Ведь в турнире каждый играет со всеми остальными!

— Вот-вот, — улыбнулся Гестем, — именно «с остальными». А теперь смотрите: кому из участников турнира, встречаясь «с остальными», не придётся сесть за доску против чемпиона мира? Только мне! Так у кого же, как не у меня, наилучшие шансы?

— О, в вашей шутке есть доля правды, господин Гестем! — воскликнул корреспондент, довольный тем, что выудил интересное для печати интервью.

Этой «доли правды» для первого приза оказалось мало: француз занял третье место. Он ещё пытался «махать кулаками после драки»: как и прежние чемпионы, заявил, что не признаёт себя низвергнутым с Олимпа, так как это был турнир. Требовал матча. Но ему пришлось уже спорить не с одним спортсменом, а со Всемирной федерацией, что, разумеется, оказалось безнадёжным. И единственное, что смог сделать Гестем, это хлопнуть напоследок дверью: объявить, что в таком случае он бросает шашки.

А В ЧЕМ РАЗНИЦА?

Чувствую, многие ребята спросят:

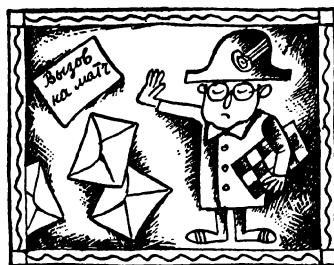
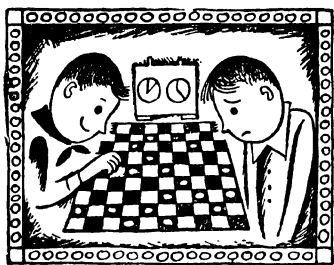
— А не всё ли равно — турнир или матч? Игра ведь та же самая, и если кто-то показал в турнире, что он — сильнейший, разве в матче он этого не покажет?

Нет, далеко не всё равно. Достаточно сказать, что из пяти последних чемпионов мира только один шашист успешно выдержал оба испытания — и «на турнир» и «на матч». Остальные же либо выигрывали матч, но проигрывали турнир, либо побеждали в турнире, но теряли титул, как только дело доходило до матча. Стоило изменить форму состязания и в шашечном королевстве происходил дворцовый переворот!

Не странно ли? Нисколько! Турнирная борьба сильно отличается от борьбы в матчах. В то время как в матче вы видите за доской против себя всякий раз одного и того же противника, в турнире вы все партии играете с разными партнёрами. И если своего матчевого противника, с которым играете почти целый месяц (20 партий!), вы успеваете хорошо изучить — выявить его познания, излюбленные им построения и манеру игры, его темперамент и склонность к риску, то, играя в турнире, вы каждый день сталкиваетесь с новой загадкой, разгадывать которую приходится за короткий промежуток единственной партии.

И ещё: в матче вы ежедневно встречаетесь с игроком неизменного класса, в турнире — сегодня против вас садится мастер, завтра — гроссмейстер, послезавтра — тот, кто накануне проиграл и жаждет на вас отыграться, а на следующий день — такой, кто, исходя из своего турнирного положения, во что бы то ни стало стремится лишь к ничьей. Каждый день нужно приспосабливаться заново!

Когда же проводятся турниры и когда матчи? Турниры назначаются только в високосные годы и называются они поэтому Олимпийскими турнирами. В остальное время титул чемпиона разыгрывается в матчах. Прошедший Олимпийский турнир был по счёту шестым. В предыдущих дважды побеждал голландец Пит Роозенбург, один раз

увёз шашечную корону за океан канадец Марсель Делорье, а затем два раза победителем выходил Вячеслав Щёголев.

ДВЕНАДЦАТЫЙ КОРОЛЬ

И вот теперь — в Больцано — под торжественное звучание Советского Государственного гимна надели лавровый венок Андрису Андрейко. В этом турнире он опередил пятнадцать лучших шашистов нашей планеты. Он ни в одной партии не сдался, в девяти беспощадно «скальпировал» своих противников и лишь в пяти «раскурил трубку мира». Такой результат сделал рижанина двенадцатым за всю историю игры шашечным королём.

...Одиннадцать лет назад в шашечном клубе Риги один четырнадцатилетний паренёк поразил меня внешним сходством с Василием Соковым, гениальным ленинградским шашистом, погибшим на фронте в боях за наш город. У рижского паренька было то же узкое лицо с высоким лбом и удлинённым носом, та же резко-размашистая походка... Как убедился я позже, и его «шашечная походка» — спортивные успехи — оказалась сродни соковской.

Помню, Андрис играет в полуфинале первенства страны в Баку. Ему — шестнадцать, и он всячески старается показать, что в шашечном мире для него авторитетов уже не существует, а для убедительности в первом же туре побеждает своего наставника-тренера известного латвийского мастера В. Звирбулиса. Зрители толпятся у столика, где играет юный рижанин: его партии всегда головоломные и острые. Андрис же, быстро сделав ход, неизменно встаёт и длинными (для солидности!) шагами разгуливает по залу, громко стуча каблуками, словно стремясь обратить внимание на то, что вот, мол, его партнёр трудится, прикованный к доске, а он, Андрис, играет совсем шутя и делает ходы куда попало. На этом «совсем шутя» и «куда попало» поскользнулись тогда многие испытанные мастера... Из Баку Андрис уезжал тоже мастером.

— Везёт вашему мальчику, — заметил я Звирбулису. — Он делает ходы на авось, не рассчитывая, а всё оборачивается в его пользу.

— Везёт? Нет... Он не играет на авось. Вы знаете — он всё рассчитывает и видит! Просто удивительно, как много он видит, и мне даже непонятно, как это возможно. И в считанные секунды...

Я промолчал, но, признаться, подумал, что учитель набивает цену своему ученику. Скажу сразу: я ошибался. А манеру, в какой проводил тогда свои партии Андрис, он всё больше развивал и так играет и теперь, с той лишь, может быть, разницей, что каблуками стучит чуть потише.

Если шашист стал правофланговым в шеренге сильнейших гроссмейстеров планеты, это значит, что он привнёс в игру что-то своё. На шаблоне далеко не уедешь! Что же отличает «шашечный почерк» Андрико? За счёт чего достиг он колоссальных успехов в турнирах последних лет и триумфальным маршем прошёл соревнование в Больцано?

Конечно, он замечательный стратег, и мог бы, как и Куперман, вести партию «на улучшение» — играть на использование позиционных промахов противника. Но его к такой игре не тянет.

Безусловно, он изумительный тактик, и мог бы, как и Щёголев, сделать главным коньком своей игры комбинацию. Но и такая игра его не прельщает.

Стиль Андрейко очень оригинален. Если обычно шашисты каждый раз стараются сделать самый лучший ход, то рижанин чаще всего ищет не лучший ход, но такой, чтобы положение стало как можно запутаннее, чтобы борьба происходила как бы в «густом тумане». А так как он очень глубоко и быстро рассчитывает варианты, то и выходит, словно двое играют в этом тумане в прятки, но один из них гораздо зорче. Вы, конечно, понимаете, кому тогда легче «найти другого» или же «спрятаться».

Но быстрота расчёта Андрейко не имеет равных. В первенстве страны я проделал такой опыт, записывал, а потом суммировал время, которое тратили участники на обдумывание ходов. И оказалось: больше всех очков набрал в турнире Андрейко, а меньше всех времени на свои партии затратил тоже Андрейко! А недавно я наблюдал, как он играл блицпартии с лучшими мастерами страны. Это удивительное зрелище! Противники его получали на раздумья обычные для блица пять минут, а Андрейко брал себе... одну минуту. Одну минуту на всю партию!

Андрейко — тонкий психолог, и недаром старается вести борьбу за доской, дополняя чисто шашечные средства психологическими. Например, так. В один из моментов партии, в которой позиция Андриса выглядит неважно, он вдруг, не раздумывая, избирает на первый взгляд странный ход. Ход такой, после которого противнику кажется, что в одном варианте ему наверное удастся у Андрейко выиграть. Наверное! Ибо запутанность позиции не позволяет рассчитать точно до конца. Противник начинает размышлять — погнаться ли ему за этой жар-птицей выигрыша, и тут слышит:

— Вы на ничью согласны?

О, такое предложение Андрис делает отнюдь не из любви к ничьим! И не находись сейчас противник в угаре погони за жар-птицей победы, отчего он забывает или смотрит сквозь пальцы на то, что на подобном уже много раз «спотыкались» партнёры Андриса, он бы это предложение принял. Но он в азарте, ему кажется, что он вот-вот поймает эту жар-птицу: вот она, в конце того варианта!..

«Ага, дружок! Ты заметил, что сто́ит мне так ответить — и ты погиб! И теперь просишь ничью? Нет уж, подождём!»

Но всякий раз в конце этого злополучного варианта противник «случайно» сталкивается с какой-то неожиданностью, и всё переворачивается.

— Опять повезло Андрису, — оправдывается, проиграв, смущённый партнёр. — Наверно, я имел выигрыш. А на ничью — так я мог просто согласиться. Он же предлагал...

Как же будет теперь продолжаться спор за шашечную корону? Кто станет ближайшим соперником Андриса? Прежний чемпион Исер Куперман решил не уходить ещё окончательно в отставку и, используя своё право на матч-реванш, сразу же после турнира в Больцано бросил перчатку Андрису. Этот матч состоится в октябре 1969 года.

СНОВА В ПУТЬ

Норвежец Тур Хейердал, организатор знаменитой экспедиции «Кон-Тики», собирается в новое и столь же рискованное путешествие. На этот раз он планирует пересечь Атлантику не на плоту, а в лодке, построенной по образцу древнеегипетских парусников. Интересно, что материалом для лодки послужит растение, из которого древние египтяне делали папирус. Лодка будет иметь 15 метров в длину и 4—5 метров в ширину. Цель экспедиции — доказать мореходные качества судов, которыми пользовались древнеегипетские моряки.

Путешественники отправятся в это, третье по счёту плавание в начале лета.

ВОТ ТАК СОМ!

Намереваясь испечь пирог, жительница Иркутска Князева купила на рынке замороженного сома. Каково же было удивление семьи Князевых, когда, пролежав некоторое время в воде, сом зашевелил сначала усами, а потом жабрами и хвостом. Сом пу-

ЕСТЬ ЛИ КЛАДБИЩЕ У СЛОНОВ?

Охотники за слонами в Западной Африке заметили одно интересное явление: они никогда не встречали погибшего слона. Это послужило основанием для возникновения легенды о кладбище слонов — месте скопления драгоценных слоновых бивней.

Поиски кладбища слонов идут давно, продолжают и сейчас. Многие по-

гибли в непроходимых джунглях, тщетно пытались найти загадочное место.

В заповеднике Родезии недавно произошло событие, несколько приоткрывающее завесу над этой тайной. Поля, расположенные близ заповедника, стали подвергаться набегам слонов. По просьбе жителей охотники убили вожака стада, надеясь, что набеги прекратятся. У убитого слона собралось всё стадо. Животные начали ногами копать глубокую яму, туда они стащили вожака, засыпали яму землей и сверху прикрыли её ветками.

Теперь ясно, почему никому из охотников не удалось увидеть погибшего слона.

НА ЛЫЖАХ... К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Трое англичан — доктор Хью Симпсон, его жена Миртл и Роджер Хафт — отправились в лыжный поход к Северному полюсу. Им предстоит пройти по льду Ледовитого океана более 800 километров. Лыжники рассчитывают достигнуть цели через 2—3 месяца.

стили в ванну, где он и плавал несколько дней.

Директор Биоло-

го - географического института при Иркутском университете подтвердил правдоподобность этого случая. «Некоторые породы рыб, — сказал он, — зимуют в северных реках, вмерзая в лёд. Однако этот случай редкий даже для сомов, отличающихся своей живучестью».

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...в Казахстане на площади в двести тысяч гектаров создаётся музей природы? Бесчисленные озёра. Одни крохотные, другие просторные, а самое большое называется Тенгиз, что в переводе означает — «море». Летом на озёрах разноголосый шум — птичьи базары. Здесь природой создан как бы промежуточный «порт» на древнем пути перелётных птиц, совершающих свои ежегодные «рейсы» между Сибирью и Африкой. На Тенгизе находится самая северная на земном шаре колония розовых фламинго.

★

...учёные открыли новые страницы жизни первых поселенцев на Енисее? В четырёх стоянках на речной трассе его левобережья, между Абаканом и Красноярском, обнаружены остатки деятельности палеолитического человека. Археологами извлечены каменные наконечники копий, служивших для охоты, найдены и орудия, с помощью которых шили одежду и обрабатывали кожу. Все они изготовлялись из речной гальки.

★

...сто часов не слезал с велосипеда «чемпион мира» по выносливости индеец Ньюад? Он ел, умывался,

брислся и передевался, находясь в седле.

★

...в мире существует до трех тысяч разновидностей кактусов? В нашем городе живёт кактусовод и коллекционер Георгий Вольский. Он собрал более 250 видов кактусов. Среди них совсем маленькие, размером с кнопку и очень крупные. Они бывают ветвистые, шарообразные, стелящиеся, змеевидные. Растения с колючками имеют и практическое применение: они могут стать сырьем для цукката и варенья, отличных сортов бумаги, лекарств, идти на корм скоту, служить живыми изгородями, топливом и даже строительным материалом.

★

...учёные обнаружили в отрогах туркестанского хребта близ Ленинабада остатки летающих рептилий? Этой находке 190 миллионов лет. Интересно, что на камне сохранился не только скелет рептилии, но и отпечаток кожи и летательных перепонок. Севернее Чимкента, в горах Каратау, найдены окаменелые отпечатки птерозавра — летающего ящера. На них хорошо видно, что тело и крылья животного, жившего 160 миллионов лет назад, были покрыты мехом.

★

...известный в Южной Африке исследователь морского мира доктор Артур Райт поймал в Дурбанском заливе живого «волосатого» омара? Это первый в мире случай поимки «волосатого» омара живым. Прежде никому и никогда не удавалось даже увидеть его живым, хотя несколько панцирей этих омаров было найдено вблизи острова Маврикий и Гавайских ост-

ровов. Пойманный Райтом омар имеет длину около 15 сантиметров.

★

...в отделе рукописей Публичной библиотеки нашего города хранится более половины всех уцелевших старинных русских книг и в их числе самая древняя — Остромирово евангелие 1057 года? Многие из них написаны чернилами, сваренными из ольховой коры в кислых щах, приправленных железными опилками и заквашенных пресным мёдом. Интересна панорама всей протяжённости Волги, выполненная братьями Чернецовыми в 1838 году. Она состоит из 1982 рисунков, сложенных в «гармошку» длиной 746 метров.

★

...кинооператоры нашего города побывали в гостях у... спрутов? Свою киноленту они снимали в глубинах Тихого океана, в районе Курильских островов. Чтобы показать зрителям «нравы и обычаи» этих океанских хищников, им пришлось провести в их компании несколько месяцев. Перед кинокамерой осьминоги меняли окраску, бросали «чернильные бомбы», и всё же свои отношения к людям они строили на принципах дружелюбия.

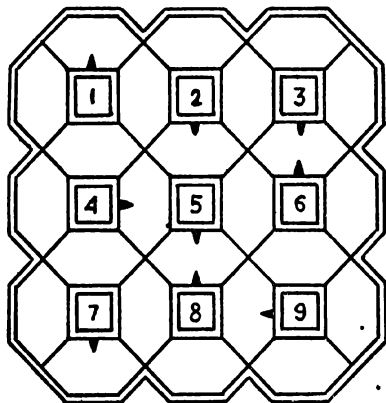

ЦИКЛОКРОССВОРД

Составил Андрей КАЛИНИН, 480-я школа

Все слова этого кроссворда — из трёх букв. Каждое слово читается по часовой стрелке вокруг соответствующей цифры, начиная с отмеченной клетки.

Отдел ведёт Вадим Акентьев

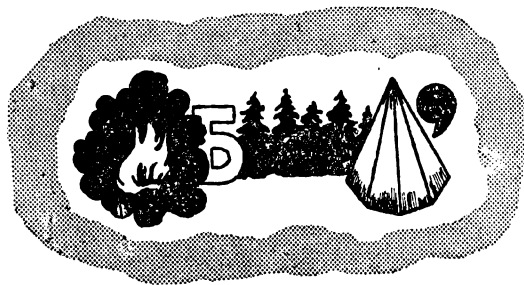

1. Река в СССР.
2. Столица европейского государства.
3. Столица ОАР.
4. Государство в Азии.
5. Крупнейшее озеро Японии на острове Хонсю.
6. Приток великой русской реки.
7. Государство в Южной Америке.
8. Столица Союзной Республики.
9. Река на Дальнем Востоке.

ХИТРЫЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифрована одна строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова.

Как называется это стихотворение?

РЕБУС-ЗАГАДКА

Разгадав ребус, прочтите народную загадку и разгадайте её.

ПО ДВЕ БУКВЫ

Составила Оля СПАЛЬВИНА

Выбрав из каждого слова по две смежные буквы, сложите из них пословицу:

Туча, пень, воскресенье, освобождение, кета, конец, сучок, сено, варенье, кровать, хурма.

ШУТКА

Прислала Надя КУДРЯВЦЕВА

Сколько дверных ручек в Эрмитаже?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке», № 4)

КРУГЛЫЙ КРОССВОРД

По часовой стрелке. 1. Сом. 2. Дом. 3. Тир. 4. Пат. 5. Жук. 6. Бор. 7. Куб. 8. Буй. 9. Дар. 10. Мол. 11. Бот. 12. Век.

Против часовой стрелки. 1. Сет. 2. Док. 3. Том. 4. Пим. 5. Жар. 6. Бут. 7. Кок. 8. Бур. 9. Дуб. 10. Май. 11. Бор. 12. Вол.

ЛЮБОПЫТНО!..

Три (три буквы), одиннадцать (одиннадцать букв).

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

Перо сильнее меча.

РЕБУС

Верблюд. В ер блюд(о).

«МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ»

Лист, изба, сбор, тара.

Содержание

Добрый огонь. Стихотворение Г. Гоппе	1
Чудесный гость. Киноповесть Л. Радищева	3
Яякко. Рассказ А. Островского	18
Дом. Стихотворение А. Крестинского	29
Медные гильзы. Рассказ Г. Черкашина	30
Путешествие по стране «Май». Рассказы Н. Сладкова	34
Голубые велосипеды. Рассказ В. Петрова	39
Песенка о старом профессоре. Стихотворение С. Когана	45
Клуб «МИ». Статья Арк. Клёнова	46
Марки пионерии. Статья Э. Миронова	52
Дворцовый переворот в царстве шашек. Очерк Ю. Барского	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художницы Г. Моисеевой «Едем в лето!».

На 2-й странице обложки фотозюк Г. Сафонова «На пионерском параде».

На 3-й странице обложки фоторассказ Б. Резникова «Печальная история с картошкой, которая хорошо кончилась».

На 4-й странице обложки рисунок художника Л. Каминского «Кого что ждёт...»

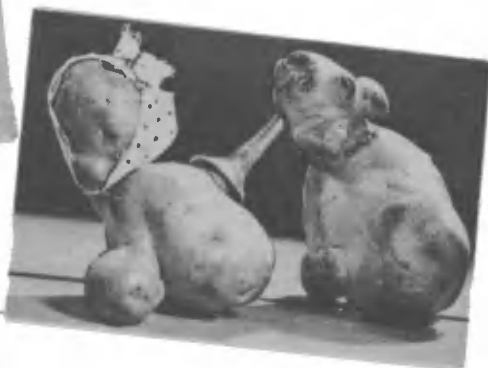
Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 27/III 1969 г. Подписано к печати 19/V 1969 г. Объем 4 печ. л. М-34374. Заказ № 468. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 76 200 экз. Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

С поля прибыла в город
картошка.

Простудилась в дороге
немножко

Но лекарства целебного
ложка

Излечила больную
картошку.

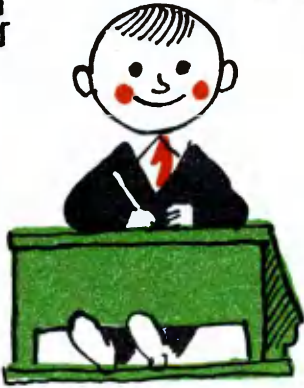

Чтобы впредь не болеть —
закаляйся!

Под водою холодной
купайся.

Печальная история с картошкой, жмотада хорошо концидабь

КОГО ЧТО ЖДЕТ...

ДАВНО ОЛЕГА ЖДЕТ РЫБАЛКА.

ЦВЕТЫ ЗАЖДАЛИСЬ: ГДЕ ЖЕ ГАЛКА?

А КТО ЛЕНТАЙНИЧАЛ ВЕСЬ ГОД —
ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА ЖДЕТ!